

ISBN 978-5-91256-072-9

Информационная продукция для аудитории старше шестнадцати лет
(согласно Федеральному закону № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Сергей Платон

РЕКЛАММИСТИКА

/заветные купеческие сказки/

Сказка первая

СТИЛЬНЫЙ ТРИШКИН КАФТАН

Трифон Миронович Кторов купчина зажиточный был, рыжий и ширококорый, очень солидный и хмурый вечно. Знамо дело, богатыми недрами земельки родимой торг вёл. Сам государь-император про него, да про его Корпорацию, внимательно ведал. Серьёзное дело, чего улыбаться-то попусту?

Вымуштрованный годами собственный совет директоров в кулаке держал, управляющим головы мыл непрерывно, по семь шкур с них спускал. Лукавым иноземным барышникам тоже спуску не давал, даже с ушлыми царёвыми людьми и с губернскими чиновными порученцами шибко не церемонился, а уж приказчики среднего звена все у него по струнке ходили.

Мошну персональную, потайную, набивал аккуратно, но и казну исправно пополнять не забывал. Здоровущий пузырь новейшего российского предпринимательства. Ноги по колена в зо-

лоте, по локоть руки в серебре. Крупнейший представитель элиты современного русского бизнеса.

Одно слово – генерал!

Вот сидит как-то раз Трифон Мироныч поутру за аэродромным дубовым столом над сводным управленческим учётом, чугунным задом четвёртое в этом году кресло доламывает, таблички с квартальными отчётами дочерних предприятий передвигает, толстыми пальцами по циферкам водит, затылок щетинистый почёсывает и гнев грандиозный накапливает уже сорок четыре минуты.

Каменный лик его начинает приобретать приятный свекольный оттенок, вроде и не лик это уже, а ни дать, ни взять, – кулак боксёрский. Вишь, не радуют его цифры; мелконькие они, слабенькие. Выволочку примерную дармоедам своим нерадивым устроить готовится.

А по плечам у него пара чёртиков прыгает, тоже на цифирь пялится. Да и не чёртики они вовсе. Кажись, другая какая нечисть.

Крылышки ведь чертям не предусмотрены, а у этих есть. Остренькие такие, как у ласточек. Хотя... Черти, конечно же, кто же они ещё? Махонькие такие, вертлявые.

Правый – красивый и ладненький. Шёрстка у него пушистая, белая, ушки и рожки торчком, кисточка на хвостике причёсанная, копытца на-

маникюренные, пяточок розоватый и волоокие синие глазища вполмордочки по сторонам озорно постреливают. Ох, и хитрюга!

Левый – изрядно отвратный. Просто смотреть противно. Рожки кривые, обломанные, воронёная чёрная шерсть колтунами свалялась, по бокам ключьями висит, а кое-где и проплешиной светит, копыта не чищены, карие бусинки глазок жирком затянулись, недобро поблёскивают, пятак в паутине весь, срам по колено болтается. Тьфу ты, пакость какая!

– Вот ведь, Тришечка, до чего ты контору довёл свою, – комариным писком зудит в хозяйское ухо Правый бесенок, – нет, чтобы сделать так, как пристойные директора завсегда уже делают. Щас вот примешься на лакеев орать, а они-то чего? Они-то каждый приказ твой справно исполнить пытаются, землю носом рыхлят, вениками носятся, усердствуют. Да всё без толку.

– Чой-то без толку? – угрюмится Трифон.

– А то без толку, что приказы твои не системные! О чём вспомнишь, про то и орёшь. Понарисовал своим борзым продажникам планов красивеньких, миллионьненьких. Эти вон юлой крутятся, тычутся в разные стороны, а телега на месте стоит.

– Да нормально всё, – басит Левый чертяка, зевая во всю харюшку, – ты им жалованье прижми, так резвее забегают.

– Тут хоть жми, хоть не жми, всё одно план не сделают, – талдычит Правый.

– А чо делать-то? – шибче супится Трифон.

– Так направь их на верный путь, да струментом снаряди полноценным маркетинговым. Каталогами там, базами, презенташками, грамотками имиджевыми...

– Как так?

– А вот так! Ты хоть стиль бы поправил свой фирменный спервоначала, другие генеральные давным-давно в новые одёжки, по которым встречают, нарядились.

– У меня же костюм от Brioni, императорской марки, – удивляется хозяин.

– Балда! Я тебе про одёжку другую вещаю, корпоративную. Бренд называется. Ты на вензель-то свой погляди, у тебя в нём серпы да молоты черно-белые, по наследству от прошлого века доставшиеся. А другие вон брендинги-перебрендинги провели давно. Ходят модные все, прогрессивные как бы, над тобой потешаются. Бренды у них теперь вона какие колоритные, популярные, знаменитые, распиаренные. Чот, костюмчик-то свой ты к Brioni полетел отшивать, не на «Швейную фабрику №3» города Городец Нижегородской губернии.

– Бррр... – выдыхает Кторов.

– Вот именно... Бррр... Бррренд оно называется. Позабудут уж скоро все твою Корпорацию

золотенькую. Потому как не знают о ней те, кому надобно знать. Да и знающие забывают, поди, начинают уже. Зырь, продажи-то год от года снижаются.

Все подсказки бесовские завсегда Трифон слушал внимательно, часто следовал им ещё со времен обучения финансовым премудростям в Академии управления. Завелись чертенята аккурат перед первым экзаменом. По плечам поначалу не прыгали, осторожничали. Так, подсказут ответы и нырк себе снова в лопатничек, за купюрами прятаться. Знать, из денег великих такое отродье заводится.

Ну, а в пухлом кторовском портмоне деньги водились серьезные. Среди них бесенята и жили. Белый больше купюры любил заграничные, чёрный – только родные, российские.

– Бред. Не слушай ты его, Мироныч. И так нормально все, к чему модничать? – шепчет засыпающий Левый, – столько лет не брендили, жили себе спокойнехонько; это всё европейские шельмы придумали, это всё иноземцы нам гадят, на свой манер всё поставить хотят.

– Да ты глянь на рекламную полиграфичку нормальных контор, у одной же кормушки толкаетесь, а тебе всё пожиже куски достаются, – истерично чирикает Правый, – проиграешь ты, Триша, в конкурентной борьбе. Стиль меняй для начала!

И решил озадаченный Кторов в первый раз в жизни изучить сей вопрос скрупулёзно, да въедливо. Монитор засветил, с наблюдательных камер картинки на него вывел, призадумался. Кому же поручить новое дело диковинное?

В конференц-зале понурый совет директоров который час разноса дожидается, секретарша модельная, Дуня, пятый раз свежий чаёк заваривает, в коридорах никто не слоняется, привратники все по местам на табуретах сидят, в отделах – тишина, только клавиатуры постукивают и телефоны побрякивают... дармоеды, вроде, работают все...

Нет, смотри-ка, не все. Замша цепная, Софья Марковна Лютая, недавно назначенная, губернатором лично спротезированная, вместо работы сидит, убирается. Сняла с себя голову, на столе поставила, шампунем намылила, чистой водой вымыла, волоса гребнем расчесала, феном уложила. А лица-то под волосами и нет никакого, так, место пустое одно и есть, розовое, как ягодица. Вот ведь, чёртова баба! Косметичку достала, туши-помады вынула, мигом намакияжилась, нос в серединку прилепила, глазища вставила, теней да бровей с ресницами понарисовала, румян понаклала, напудрилась, губы красным напонамадила, и надела голову на старое место.

Вона, какая хитрая! Прямая колдунья! Глаза да глазоньки за ней. Хотя офис-дог из неё получился преизрядно хороший.

Замдиректоршу такую днём с огнём не сыскать. Своенравна, сквалыжна, недоверчива. Во все дыры длинный нос свой запихивает. Что не так, да не по ейному, так заест офисную скотинку вусмерть, не подавится, четверых вон уже и уволила, а работает меньше месяца. Чисто тюремный надсмотрщик. Все отделы трепещут пред ней. Вот её-то и озадачить сим делом не грех.

Через двадцать минут на стол генеральному с потолка посыпалась рекламно-представительская продукция конкурентов. Софьюшка расстаралась. Чего только там не было! И мультимедийные презентации в разноцветных футлярчиках, и шикарные серии фирменных календарей, и всякие открытки, конверты, бланки, визитки, папочки разнообразнейшие, сувенирчики с логотипчиками и дорогими камнями, каталоги, буклеты, проспекты всевозможных форм и фирм. Ух ты! И то, не дремали коллеги-то. У Трифона аж в глазах зарябило.

Глянул он на свои постные визиточки с бланками, на предложения зарубежным заказчикам, принтером чёрно-белым отпечатанные, и законфузился. Позорище, право слово...

- Позорище! Говорил я тебе, а ты не слушал. Будешь стиль менять? - опершись локотком на

хозяйское ухо и обмахиваясь кисточкой хвоста, лукаво интересуется Правый.

– Буду. А как?

– Вот уж проще-то некуда, – улыбается белая рожа бесовская, – токма свисни, игрецы-рекламисты слетятся как вороны. На подворье твоё, что ни день, их десяток-другой пропихнуться пытаются. Софья пусть соберет самых оттопыренных, креативных и опытных, на твоих деловых кумовьёв хоть бы раз уже поработавших. Пусть покажут проекты свои, да похвалятся. Маркетологи пускай тож полюбуются. Но не жмись в гонорах-то, тороватее будь, чем дешевле они, тем сквернее работают. Намалюют дизайн, подучу потом, как с такою гангреной обходятся.

– Ерунду затеваете, – говорит чёрный бес, – приморился я с вашими глупостями, пока то ли, да сё ли да, спать пойду, отворяй кошель. Барышам когда счёт поведете, разбудите.

– Вот и я сосну, – потягушками Правый шаперится. – Знатное дело мы с тобою, Триша, замыслили. Цели определены, задачи поставлены, – за работу товарищи! Примеешься эскизы отсматривать, так буди.

Запустил Трифон Миронович чертей обратно в портмоне, к изумлению истомившегося директората отменил заседание, и после обеда обильного вошел в переговорную комнату, под завязку набитую бродячими рекламистами.

Началась тут широкая презентация.

Старший специалист отдела маркетинга, очень образованный и очень глупый Митрофан Недотыков, краснея, стесняясь и блуждая в падежах, представляет грозному генеральному со строгой замшей каждого соискателя милости. Рекламщики цветасто расписывают свои невероятные достоинства, полиграфичкой трясут пред очами сиятельных заказчиков, улыбаются-заискивают по очереди.

Трифон слушает вполуха. На работы дизайнеров даже не глядит. В серединке у стенки сидит ОНА! Как вошёл, так и глаз с неё не сводит сластолюбец стареющий.

Вот так дева! Глазёночки мелкими вишнями, пухлые губы-то алые, щёки и груди изрядно богатые, русые брови союзные, тучная канатная коса в пояс висит. Красотища! Ниже пояса – сто крат краше! Щедрые бёдра аж с кресла свисают. Живопись!

Ясень день, победила в отборе она, луноликая Василина Обозова. Дизайн-бюро «ВО», где служила ненаглядная красота директрисою, получило удивительно крупный заказ на глобальный ребрендинг для кторовской Корпорации. Всех других рисовальщиков вашей со двора разогнали по-скорому.

А Трифон с Василиною в кабинет ресторатора Троекурова принялись наезжать чуть не

каждый день, заниматься дизайном, стало быть. Ситного фунта по четыре в один присест заглатывали, поросёночка молочного съедали за этим занятием, от другого скоромного у стола ажно ножки подламывались, вин заморских не по одному ведру выкушивали.

Правда, эскизики Василинушка приносила какие-то странные, всё с цветочками, с пушистыми белочками и с малыми котятками, в розоватых тонах стиль ей виделся. Кторов все эти «девушкины дизайны» оплачивал. Что скрывать, полюбились она ему. Пятый год он вдовцом ходил. В общем, свадебку стали налаживать. До дизайна ли тут? Но в печать не пускал ни один макет, чертёнку Правого слушался. Любви любовью, а посмешищем посередь бизнес-братвы не хотелось быть. Василинкины цветочки только на пирогах да тортах рисовать.

Скоро стали они с Василиной вместе жить да быть, да добро копить.

«Пусть на кухне теперь в дизайне упражняется. Или подарю огород ей большой в новом доме ко дню рождения, дык на нём пускай цветочествоует, раз уж хочется» – рассуждал Трифон мечтательно.

Вот тогда губернатор Кторову знаменитого дизайнера Ваньку Кунстмаллера и присоветовал. Ванятка как раз заканчивал оформление поли-

графической серии губернаторским карманным структурам коммерческим.

Паренёк оказался смышлёным, не гляди, что немецкого роду-племени. В пух и прах раздолбал старый кторовский стиль, застиранным лоскутным одеялом обозвал; рассказал, что рекламной у нормальных специалистов маркетинг должен управлять: по науке, мол, всё должно делаться. Плюс к тому, насозидал эскизов умопомрачительной красоты не менее сотни.

А ещё, наивный, в разговоре одном рассказал опрометчиво, что пристойная графика в брендинге вовсе не главное. Ты хоть чёртика лысого отрисуй с розоватыми рожками, но вложись в него мощно, как в Marlboro, так узнают твой бренд непременно, слух пойдёт о тебе по городам и весям, по столицам и медвежьим углам, по всем закоулочкам.

В конце концов, не так важно, что мы движем, никакой нету разницы, хорошо оно нарисовано или плохо ли. Существенно на рекламный бюджет не скупиться. Вот в чём премудрость.

А ещё, дуралей, набросал черновую систему продвижения, раз уж маркетологи Корпорации такими недоумками недоученными выставились. Там и список носителей указал, и сезонность учёл, и реакцию на конкурентные действия предусмотрел. Ай, молодца! Больше месяца вкалывал, света белого не видал.

Кторов бумажоночку эту в папчонку отдельную прибрал, сохранял пуще зеницы ока, и когда разносил маркетологов, завсегда с ней справлялся. Денежку Кунстмаллеру, однако же, прижимал; ни копейки не отслонявил работяжке. Чёртики его одобряли, потому что тоже до денег жадные были очень.

Протекло с год времени.

Надоели заказчику нашему статусному, женишку счастливому, стоноты ваяткины про гонорар за эскизы непринятые. Ишь, дурака нашёл. Может быть, тендер у нас теперь! Разуметь надо.

– Ты, Ванюша, и нас пойми. Предприятие наше с царёвым участием. Без его позволения не решаем ни чо. Как без тендера? Всё по конкурсу. Будь моя воля, так отвесил бы тебе шапку золота, вон какие картинки нам носишь прекрасные, – плёл директор лицемерные словеса отеческие простофиле креативному, ласковые тенёты вранья по ушам развешивал.

Хитрован Трифон Мироныч уж давно взял пяток нерадивых продажников, да рекламный отдел учредил из них собственный к тому времени. Подчинил его Недотыкову и велел величать Митрофанушку директором по развитию.

Вот уж этот зародовался! Недропродавец-то из него аховый был, семечками, да и теми бы проторговался. Не сегодня, так завтра со двора бы согнали уже. Всем кукишем по всей морде по узень-

кой, по очкам позолоченным, заместо жалования бы натыкали. А тут вдруг – директор! Чудеса чудесатые!

Долго ли, коротко, верно ли, скверно ли, снова год пролетел.

Нового фирменного стиля, а уж, тем паче, тотального брендинга Корпорация так и не увидала. Зато рекламных носителей разномастных себе понаделала уйму, и давай эту хохлому направо-налево разбрасывать. Оно и сработало. Продажи пошли преобильные. Какое-никакое, а всё – продвижение.

Вон оно как!

Сказка вторая ТРИШКИНА КУРГУЗАЯ ДЕРЮЖКА

Наипервейший кторовский конкурент, Герасим Силыч Подколодный, тоже менеджер топовый, миллионами дикими тож унавоженный, властью безмерной напитанный, тот ещё изворотливый воротила ресурсами Родины, по натуре смешливым был. Отметёт у партнера, порой, предприятие, и хохочет, хохочет, хоть святых выноси.

Оборотистый, пройдошливый Гера поржать до икоты любил. А чего же кручиниться, нюниться и серьёзничать, когда прёт деньга избыльная?

В управлении брендом и во всяком-разном пиаре затейливым Герасим Силыч доподлинно понимал. Неплохие бюджеты на собственное продвижение исстрачивал. Чем больше маржа, тем больше рекламных действий.

Сам был хорош собой, и за внешним видом конторы хорошо приглядывал. Ненаглядную мордашку свою смазливую с прогрессивными чертами младореформатора по гляцевым журнальным обложкам тиражировал, интервью в телевизор давал частые. За мудрым словом об «эпохе расцвета и перспективах развития» в карманы не лез, про скорое прекрасное будущее врал, как дышал, по три короба. Копирайтеры и спичрайтеры, самые что ни на есть дорогие, вздоху-

продыху не видели, всё писали ему речи позитивные.

Вот вам и руководитель новой формации, не сотрёшь его запросто, за края экономики рыночной, и не думай, не выведешь. Угнездили в реальности накрепко. Вот уж директор, так директор. Поглядеть любо-дорого!

И костюмы на нём немагазинные, и машины у него большие-блестящие-лакированные-тонированные, и советников рядом хоть пруд пруди; прогрессивные тоже все, элегантные, умные, на тепличных делянках Сорбонны и Гарварда возвращенные.

Наиболее к нему приближенные, Афонька с Супонькою, рядом с телом хозяйским всегда обрелись. Где не выйдет он, глядь, – Афоня за плечико трогает, что-то дельное в ухо нашёптывает. Сядет в пресс-конференцию, а по правую руку – Супоня уселся уже, журналюгам прикормленным позволяет вопрос задать, им самим же вчерась и написанный.

В туалетную комнату Подколодный идёт, свита – рядышком. За бумагой там, за мылом ли присмотреть. Полотенце какое подать или зиппер поправить услужливо, кейс поносить или громко смеяться на шутку директорскую, и расшаркнуться вовремя, и совет посочетовать, и попить коньяку, не пьянея нисколечко, – это надо уметь.

Непростая планида лакейская, трудная. Так ить, сложно ли, умеючи-то?

Иногда, сѣж-таки, Гера хороводную свиту всю за дверь выставлял. Сам с собой поразмыслить чинился.

Сядет в тронное кресло с ногами, растопорщится, бумажонки секретные переберёт, языком удлинённым, как жало раздвоенным, брови оближет, белоснежные острые зубы надфилем алмазным, заранее приготовленным, аккуратно подточит, рюмочку калия цианистого, на кедровых орешках настоянного, пропустит, да и призадумается. Вроде всё хорошо, да чего-то не то.

Подрастают продажи у Кторова.

Как же так? Стиль – фуфлю, продвижение – глупое, сам – замшелый тюфяк, а барыш растёт! Ни пиара тебе, ни рекламной агрессии, никаких других маркетинговых фокусов, а подмял уже под себя два сегмента противничек. Поди их, верни теперь.

Хохотать над рекламной эклектикой тришкиной Корпорации Подколодному уж не хочется. Капитал ушывает, блин. Какие тут хихоньки? А понять суть успеха Мироныча мозгу Силыча и не можется. Ненаучный тот успех, не по правилам из учебников. Но победа же в конкурентной борьбе явная, не оптический же обман зрения! Вот и думай теперь о природе маркетинга на российской земле...

Герыч, как звали за глаза мыслителя нашего, думой тяжкою, неизбывною, не привык забивать себе голову фотогеничную. Повелел подавать розги мочёные, вызвал Афонюшку и Супонюшку, соли две пачки принести велел, приказал скидывать порты заграничные, да и высек советников с оттяжечкой, с удовольствием.

- Щ-щас вам ш-шкуры спуц-щю, шелудивые шавки, - страшно шипит Подколодный, обихаживая розгами спины оторопевших сотрудников. - Это за ребрендинг вам, в жирном московском агентстве заказанный! (Шарк!) Это за полиграфичку элитную! (Шарк!) Это за маркетинговые исследования бесконечные! (Шарк!) Это за сувенирку эксклюзивную, за наружку многокилометровую, за фирменную мебель для офисов, за пиаровские статьи, за интервью, за обложечки! (Шарк! Шарк! Шарк!) Сколько же денег из меня вы без пользы повынули! Одним телевизорным рвачам скока было плачено-переплачено! И што? Шиш! Не сработало ваше тотальное рекламное пространство хвалёное, вшивые дешёвки! Щас шкуры спущу! (Шарк!) Прогресс прогрессом, родина родиной, а за прибыль упущенный спуску не будет вам, ушлые шельмы! (Шарк, шарк, шарк...)

Долгонько еще из кабинета директорского розги шуршали и слышалось шепелявое шипение Герыча, разносимое эхом по закоулкам притихшего офиса. На душе (или что там, у них, у топ-

менеджеров, располагается?) опосля экзекуции полегчало немножечко. Но чего-то там главного, основного, глубинного, так и не допетрил Герасим, сколько ни тужился. Куда уж ему. Образованный очень он был, лихо соображающий, но не здравомыслящий.

Сорбонистые теории на нашей почве не ходко растут. Исконная родная крапивка, да сорняковый чертополох, изнеженную травку зарубежную забивают навовсе. Что же ты, дурень продвинутый, заморскую культурную траву торгуешь-культивируешь? Нам, в Евразии, она ни к чему. У нас вон, для примера, дикий веник берёзовый очень в ходу. Соотносись, давай, с геополитической ситуацией. Это твоя Родина, сынок, будь любезен, соответствуй!

Постоянно и всё мы делаем по-нашенски, дела ведём своеобразно, нам законы истинные не указ. Не по уму, по ретиво⁸му ладим. На родимое «авось», на извечное «небось» безоглядно надемся. Оно вывезет.

Измыслим собственную премудрость второпях, и ну её к белому свету прилаживать. Напослед потом удивляемся: чой-то дело-то верное из рук напрочь валится? Чой-то вкривь, да вкось оно выходит? Сначала сами наломаем, дров потом наломаем, и лишь тогда по сторонам посмотрим, к опыту мировому, значит, за советом на поклон направляемся, в сторону безусловных зако-

нов оглобли резко поворачиваем. Но, то ли шибко разухабисто ездим, то ли воропятимся часто, а всё мимо дельных законов проскакиваем. Либо так тот закон применять принимаемся, что и не узнать его в наших краях уже, сплошное беззаконие сызнова получается.

Короче, поборол в этот раз Кторов Подколотного по всем позициям. Трифон-то не только на креатив ничуть не потратился, так и жену-молодку обрести исхитрился недорого.

До чего же сметливый, лукавый, злокозненный, на кривой-то козе не объедешь его. Капитал наживать – не про совесть смышлять.

Только лишь голодранцы рекламные сдуру понарисовались попусту, задарма наэскизничали, горемыки наивные. Макетами друг перед дружкой на кторовских тендерах модничали, в дизайне высоком тягались. Что за эскизы-то в конкурсы слали, сплошное загляденье, один краше другого. Удивлялись изрядно, чой-то всякий раз фирмёшка «ВО», никому не известная, выигрывает? Невдомёк им было, убогоньким, что денюжатки пусть малые, но негоже им из семьи-то отлынивать на сторону.

Ой, как хитры пути вечного русского тендера! Какими такими оказиями в нём побеждают, одному лишь Лукавому ведомо. Не талантами-сроками-ценами, не умением и не опытом, не

идеями преискусными, не откатами хитрыми. Бывает, что и крупными бёдрами верх одерживают.

Надоумил Ваня плутоватого Трифона на свою голову, тот и постановил старый стиль не трогать, только на продвижение тратиться. Дразнят порой особенно обиженные рекламщики стиль Корпорации теперь «тришкиным кафтаном» и «кургузой дерюжкой». Ну, да кто же их слушает?

Во как!

Что, «неправда» скажете? И то верно. Это ж сказка, врака безответственная. Всамделешные купцы высшего звена, элитарной топ-гильдии, и впрям редконько такими-то суконными лапотниками выставляются.

Хотя...

Алтынного вора вешают, а полтинного чествуют. Вот мы их слегонца и почествовали. Сами золото моем, а сами голосом воем. Вот и позавывали маленечко, всё оно и полегче сделалось. А ежели, сгоряча, чего не того наптели, так нам, играцам беззаботным, балагурам беспечным, оно всегда простительно. Поди, спроси с дурака ума. Не скоморошье это дело, горшки лепить. Наше дело – горшки колотить!

Так-то вот оно!

Сказка третья БЕЗОБРАЗНАЯ ОБРАЗИНА

Порешила однажды пакостница одна Ваню Кунстмаллера, дизайнера популярного, вам-то уж явно знакомого, со свету сжить, чтоб и духу от него не осталось ничуточки.

На одном волосочке тонёхоньком жизнь парнишкина внезапно повисла. Какие тут сказочки? Жуть реальная и угроза взаправдашняя. Что за напасть? Кто такая она и как это так?

А вот, слушайте...

В добрый час сказать, в худой промолчать! Но живёт она среди нас, Безобразина гадкая. До чего же хитра и пронырлива! До чего ж кособока, крива и уродлива!

Зубы редкие частоколом торчат недотыканным, щёки пухлые, водянистые, как и веки у ней, все морщинисты. Ноздри круглые, угреватые, груди и руки как плети болтаются, худосочные бёдра вихляются, костяная нога циркулем приволакивается, за другую, короткую ногу, цепляется. Губы слизкие дурно пахивают.

Хороша Образина?

Смрадный рот свой усмешкою пошлою вечно кривит она и хихикает подленько. Сквернословит, как дышит... и лукавится, лыбится... Что, славна Образина? Конечно же! Залюбуешься, да

забудешься! И тошнѐхонько станет, и скверненько...

Только это когда к ней присмотришься пристально, да при этом ещё и подумаешь. Но не всякий теперь себя мыслями тешить решаеться хоть бы в месяц разок. Размышлять не всегда и не каждый торопится. Интересно, а раньше-то больше мы думали? Да какая теперь уже разница? Динамичные времена на дворе.

Ни к чему в резвый век и в эпоху прогресса технологического захламлять себе мозг бесполезными думами, зряшными мыслями, философиями напрасными. Нам, для наших лукавых делишек, для ведения ловкого бизнеса, для удачи пройдошливой, для успеха карьерного, для хватких починов и других продувных начинаний, векового инстинкта вполне предостаточно.

Вот, когда пораскинуть мозгой бы сподобились, аккурат и признали бы, может быть, в милом лице новомодной «красавицы» нашей несусветное дряхлое рыло БЕЗ ОБРАЗА. Так ить нет, не глядим, а таращимся, и не смотрим обычно, а зыркаем.

Если мельком поглядывать, так она и недурственна. Потому что гламурная очень. Потому что нарядная. Побрякушками бриллиантовыми (фальшивыми), будто ёлка рождественская, вдоволь увешанная, спа-салонами, фитнесами, саунами обработанная, пластическими хирургами

подтянутая, визажистами густо отмакияженная, элитарными модельерами (это жадные портные по-нынешнему) со знаменитыми стилистами (это алчные парикмахеры так зовутся теперь) принаряженная-причёсанная... по бутикам фланирует Образинушка.

Мужики ажно шеи сворачивают.

Крепок значит, кряжистый низкий рефлекс, что давным-давно к нам в людские тела заселился, интеллектом его не повышибешь, не поправишь культурою. Плутовские глазёнки состроит она им, они – ловеласничают. Станет вдруг придуряться наивною, эти тут же ухаживают заботливо, куртуазничают, кавалерствуют, галантничают. Невдомёк этим простофилям кобелирующим, волокитам простецким и прочим дамским любезникам районного уровня, что пред ними не девка обычная, не коза и не тёлочка глупая, какой представляется, а сама Образина Великая, смотр владеньям своим учиняющая.

За рекламой, за эстрадой, за городскими пространствами днями ходит-приглядывает. Всё ли пошленько там, всё ль незатейливо, всё ль пригоженько? Не пробралась ли мысль туда или дума глубокая? Телевизорным воротилам и кинопродюсерам выгодные форматы подсказывает. Чтобы мелконько всё, чтоб «по верхушечкам». Вдруг пробудятся в зрителе чувства возвышенные, благородные устремления или, будь он не ладен, ка-

тарсис какой? Чур-чур-чур! По издательствам, по книжным лавкам, по киоскам с печатной продукцией шныряет. Не затесалось ли в обширные ряды продукции некое произведение? Не подымает ли голову придавленная чтивом литература? Не отвлекается ли народишко от жареной социалки и гламурной сплетни на ещё не совсем дорезанную журналистику? По большим да по малым театрам помпезным, по бьеннале и вернисажам прохаживается. Всё ль фальшивенько там, ярконько, пряменько и авангардненько? Нет ли сложных полотен классических, тонких и многоплановых?

По ночам в головы всяким-разным творцам разноодарённым затёсывается, гадит им прямо в замыслы обильно и нагло. А чего вы хотели? Гадина она и есть.

Вот какая бесстыжая!

Художника под локоток пихнёт невовремя, глаз замылит ему, мастихин изогнёт, кисти расстреплет, краски разбавит вином. Вот и славненько! Режиссёру фальшивую темку подскажет, а пригожую светлую идею сажей жирною вымажет, остромодными концепциями пополам с опереточными идейками заменит. Вот и чудненько! Писателю остроумие притупит, матерков непотребных и плебейских метафор в ухо нашепчет. Распрекрасненько! Композитору струны рояльные клубком заплетёт, гармоничные созвучия перепутает

все, какофонию из потёмок души его вытащит, на частушечный ритм, на знакомый попсовый мотивчик настроит. Ай, любезно как!

Не уму и не сердцу чтоб. Только этого ей и надобно. Вместо мысли – инстинкты бушуют пускай. Вместо чувства – страстишки клокочут пусть пошлые.

И вдруг...

У блестящих, громозвучных торговых рядов, супротив мест чиновных присутственных, рядом с офисными высотками и отелями пятизвёздными, грудой кубиков из стекла и металла в центр города древнего понатыканных, как ларьки сигаретные в эрмитажном пространстве уродливых, на зеркальном фасаде корявого супермаркета развернулся брендмауэр кторовской Золотой корпорации. Это тряпка такая пластмассовая, на которой рекламу печатают. Метров сто, уж не меньше никак. Издалёка заметен он.

А на нём – красота! И сюжетец-то так себе – слитки золота, как клеймом, логотипом отмеченные. А ведь глаз не отвесть, до чего живописна картиночка.

Образинушку прямо вывернуло, макияж на асфальт весь осыпался враз. Столько лет над ландшафтом над этим трудилася, сколько сил положила, архитекторам выпрямляя извилины, сколько чуши в рекламные макеты закачивала и по бойким местам их развешивала. Всё насмарку

опять, всё по-новому. Не иначе, Кунстмаллер сызнова до дизайна дорвался, неймётся ему.

Прибежала домой вся сама не своя. Каши гороховой жбан наварила, соли по вкусу добавила, дуста щепотку насыпала, жгучего перца, укропа душистого, мышьяка для пикантности положила, да ещё кой-каких колдовских реактивов неведомых чуточку. Разбадяжила варево каплей плутония за пять минут до готовности.

Вот ведь, нечисть какая!

Дотерпела насилу до полночи, выпила бурлящую тюрю одним глотком, да как дунет! Шибче любой баллистической ракеты межконтинентальной на край земли в заповедную чащу дремучую к лысой горе аккуратно долетела. К сёстрам родимым своим, к Дурнине и Злобе, за советом намылилась, значит.

Старшая, мрачная Злобушка, дела поважнее обделывала, возле политиков тёрлась, с финансистами ручкалась, с генералами ладилась, но на вопросы культуры внимание тож обращала. Дрянная культурка – прекрасная почва для хорошей войны. Потому что конфликт провоцирует, нетерпимость лелеет, животные «истины» проповедует. Важное дело. Средняя, смрадная Безобразушка, им как раз и заведовала. Младшенькая, зелёная Дурнинушка, ведала праздностью подрастающих поколений. Дельце не очень-то хитрое, но и в нём умудрялась сестрёнка Дурнинка ленивая

сикось-накось излаживать, спустя рукава. Вот, порой, натусит, набалуется до одури, да завалится спать. А её подопечные, тем временем, набалдевши как цуцики и набухавшись как антипкины щенки, неожиданно остепенятся, и учиться внезапно начнут. Или книжки читать. Или, хуже того, переженятся все и детей народят. Непорядочек. Сёстры часто журили её, да прощали, чего уж там? Молодьюська же, какой с неё спрос?

- Помоги ты мне, Злобонька! Всё испортил мне Ванька опять красотой и гармонией, - причитает-вопит Образина на грудях у сестры. Бурелома в округе этим плачем пронзительным шесть гектар навалила уже. - Что поделатъ с ним? Как победить?

- Так текилой попробуй, - хихикает младшая.

- Помолчи-ка, Дурашка, покудова, - говорит Безобразина.

- Чо такое?

- Не по твоему разумению сказ. Ты хмельными напитками прошлым летом его завлекала, да попусту. Пить он пьёт, но никак не спивается.

- А чаво?

- Помолчи, не елось, говорят тебе, дай подумую, - урезонила старшая младшую.

Репу чешет, корпит злая бестия, разминает извилины. Вот ведь как. Не имеют голов человеческих колдовские субстанции. Вон у Зло-

бушки желчная репа всю жизнь на плечах росла. Рядом смиренные сёстры сидят, пригорюнившись, уже час. Тоже делают вид, будто думают.

Эко диво невиданное! У одной прям от шеи торчит ваза ночная фаянсовая, кое-как затонированная штукатурками макияжными. У другой к тонкой шейке вообще шар воздушный привязан, маркером разрисованный. Кого им стыдится? Свои все кругом. А по светлой земле скрип ужасный разносится, ветры шальные буйствуют, тайфуны и смерчи свирепствуют.

– Значит так. Всё придумала. Ванька этот опасный нам очень. Не сегодня, так завтра на нет сведёт все труды наши тяжкие, многолетние. Очень быстро мещаночки с обывателями, нагладевшись искусства великого, в приличных людей превращаются. А тогда – не видать нам Москвы, как своих ушей. Мало что из губернии выдворят, так отправят в деревню какую-нибудь замшелую, сельских девок распутству подучивать. Чур-чурчур! Край карьеры предчувствую, – зычным голосом Злоба прокаркала.

– Ой, в Москву, в Москву, в Москву! – кукарекает младшая.

Злыдня дальше вещает надтреснутым басом:

– При таких-то делах до Москвы не дотянешься. Помолчи, да послушай внимательно, Дурочка. Надо нам на него насадать с трёх сторон. Я

деньгами его наделю, уважением, почитанием. В корпорацию Кторова в должность пристрою солидную. Станет он у нас теперь директором по развитию заместо Митрофана Недотыкова. Огромный оклад, лесть и подобострастие не одну уже творческую душонку в мужика нормального оборотили. Вот и этот слабинку даст, не отвертится. Безобразинка, а ты ему кризис творческий подсупонь. Да такой, чтоб не брали работы его нигде, говоря, мол отвратные, неприглядные, негармоничные. Пусть помается, погрызёт локотки. А тебе, Дурашка, само главное. В секретаршах у Кторова Дуня служит. Девка глупая, но красивая. Так задача твоя – в койку ванькину сиротливую срочным образом её подложить. Пускай скрашивает муки творчества, отвлекает пускай всеми силами на соблазны и удовольствия. До любви только дело не доведи опять, расстарайся уже, чтоб на похоти голой связь их держалася. Да пороков подбрось им побольше, изврата телесного, наслаждений животных для туловища. Про текилу забудь, помощнее дурман им подкидывай. Деньги, похоть и почёт поначалу задушат творца в нём. Ну, а там – до могилки рукой подать. Поняли?

Ох, какое злодейство, коварные, выдумали! Прямо кровушка в жилах застыла от ужаса. Забоялись, поди? Не страшитесь, не вышло у них ничегошеньки. Правда, крови мальчишке попортили

вдоволь, целый год измывались над ним как могли эти фурии, не по-детски, по-взрослому.

Софья Лютая, замдиректорша гендиректора Кторовы Трифон Мироныча, баба гадкая, но обходительная, как только озадачилась заданием, сразу Ванечку в офис к себе завлекла. И давай вокруг него щебетать, как павлин расфуфырившись, рисовать перспективы карьерного роста, златом-серебром прельщать, властью-почестями душу смущать креативную. Для пущей убедительности позвала тюфяка Недотыкова и уволила громко на глазах изумлённого гостя.

Да перестаралась она в своём рвении. Как представил Ванюша, что и с ним этак вот, в любой миг, могут круто расправиться самодурствующие руководители, сделай что не по ихнему, заотказывался.

«Из меня же директор, как гантеля из хлебного мякиша. Никогда жить богато не пробовал, так какого рожна начинать? Не директор, художник я сёж-таки» – думал Ваня, возвращаясь домой из офисных грановитых палат. Не растлилась душа его крепкая посулами сладкими, лживыми, про сытную жизнь, про престижную должность, про славу великую. Всё смекнула головушка светлая. Возьмёшь у чёрта дешёвой рогожей, отдавать будешь собственной кожей.

Кризис творческий тоже у чертовок не сладился. Не примут один эскиз, другой бы распла-

кался, а Иван возьмёт, да изладит ещё пяток. Трудяжка потому что, пахарь по сути. Как известно, работа не пропадает. Да ещё тот макет, от которого Безобразина в обморок чуть не брякнулась (ну, брандмауэр, помните?) государь-император, прибывший с визитом в губернию, похвалил хорошо, губернатор поддакнул. Ничего не осталось невежественному, но исполнительному Кторову, как заказывать большую серию у Кунстмаллера, тиражировать красоту по обложкам, плакатам и баннерам. Очередь из заказчиков немедленно к Ванечке длинная выстроилась.

Образина на этой оказии зубы все раскрошила, бедняжка, от злости скрипя. Да и рожа её преизрядно растрескалась, хоть цементом замазывай. Безобразное образ не любит, хоть тресни.

Какой уж тут кризис? Какой такой творческий простой? Как говорится, клади навоз густо, вот и не будет в амбаре пусто.

Добрый молодец наш одиноконько проживал, дело-то творческое. Временами встречался с одной простой девонькой, но судьбу с ней связать не спешил.

Тут Дуняшка к нему и приклеилась. Если честно сказать, полюбились она ему спервоначала. Мастерича она в развлечениях и во всяких заветных утехах была. В ресторации, в клубы ночные таскала, поплясать там под громы и молнии, в балаганы, позырить на модную жизнь. Отодвинул

работу Иванушка на потом, и как кролик поплёлся к ней в сети злокозненные. Вечерочком – водочка, на ночь – в ночничок, а под утро – в коечку, а там и коньячок.

Да ещё дурман-траву веселящую Дунька норвила подсунуть. Приговаривала сладко:

– Ты, Ванюша, отведай травушки заморской, свеженькой! Уж не погнушайся, друг сердешный. Молодость, она одна нам дадена. Всё на свете сведать надобно. Не захочешь, так и брошишь потом.

– Я и сейчас не хочу, – упирался Ванька.

– Вот и зря, изведал бы, враз бы жизнь твоя посвежела бы, Соколушка!

И ведь сговорила почти. Но сердчишко ему прихватило однажды с похмелья глубокого. Восемь дней отходил и насилу оправился. Поглядел на рабочий стол, а там – гадость сплошная, пошлятина скверная. Безобразная заказуха, не творчество.

Сопоставил события парень, покаялся искренне и обратно путёвым сделался. Кое-как отлепил от себя Дуню липкую, цепкую как репей, да вернул назад свою прежнюю девушку. И здесь верно всё сделал. Ныне гуляшки, завтра гуляшки, так находишься без рубашки.

А сестёр незадачливых столичные демоны сановные после этой истории напрочь разжаловали. С треском рухнула сестринская мечта – ис-

пакостить хорошенечко отдельно взятую губернию и в Москву, к артистам-министрам поближе. Шиворот-навыворот вышло. Служить их сослали в глухомань несусветную. Но надолго ли?

Потому-то, пока на плечах у нас головы, надо ими воспользоваться. Право слово, не грех призадуматься. Деградация, знаете ли, споро случается. Чтобы плесень победить, нужно сырость изводить.

Зазеваешься чуть, глядь-поглядь, а ты уже топаешь по звериной тропинке развития, не приметил, как оскотинился нежданно-негаданно. Время-то переходчиво. Как, по-вашему, некоторые цивилизации кончили? Кралям этим трём благодарности. Каждый день из голов их вычёсывать надобно, из жизни вычёркивать.

Вот надясь, говорят, Образина опять в городе шастала. А головушки, говорят, на ней совсем не было. Раскопала, как будто, ночной горшок эмалированный в мусорке, и взялась к своей шее прилаживать.

Врут, конечно же.

Разве такое случается в цивилизованном обществе?

Сказка четвёртая КАК СУПОНЯ ЦАРЁМ СДЕЛАЛСЯ

Начисто прогнал Подколодный, хозяин разгневанный, Супоню от должности. Поначалу надрал его розгами, а потом с превеликим позором на улицу вышвырнул с волчьим билетом.

Так и бродил бывший советник директорский больше трёх месяцев неприкаянным безработником. Крут Герасим Силыч на расправу-то был, всё ж не богадельню держал, предприятие крупное. Хоть семь пядей во лбу у работника, не хозяину же за хозяйскую дурость ответ держать.

У Супоньки, по-правде сказать, там и пядито не было.

Ничего не придумал умней, как ходить, набиваться и клянчиться с кислой мордью то обратно в контору, то в конкурентные организации. Там пристроиться пробует, там протиснуться норовит, там засунуться метит. Ничегошеньки не вытанцовывается. Все бывшие коллеги взгляды притупливают, побыстрее норовят разговор прекратить.

Резюме со словами заумными, с терминами научными, с профессиями заморскими по порталам работным рассовывал от отчаянья. Последнее дело. Не шла в лыку строка, вот и не брал никуда никто, даже в мелкие места. У хозяев надменных, у самих выше крыши таких же престижных дипло-

мов имеется, тоже мне основание для соискания прибыльной должности. Никому он не нужен, маркетолог разжалованный, никому не потребен пиарщик отставной, никаких ремесел не знающий.

Не кузнец, не маляр и не пекарь же. Работушку враз не найти.

До того пришло, что есть ему стало нечего. Во как богато зажил теперь: двор кольцом, три жердины конец с концом, три кола забито, три хворостины завито, небом накрыто, а светом подпоясано.

Некогда разревелся как девушка, раскручился нервами, в тёмный лес пошёл к чёрному озеру. Выбрал омут поглубже, свету белому поклонился, распростился со всеми родными и близкими эсэмэсками, и давай в воды болотные с разбегу кидаться. Плавал-плавал, топился-топился, притомился навовсе, проголодался даже, а не тонет, и всё тут, по поверхности тока плавает, как матрас надувной. Только уток распугал, на крыло поднял. Вылез на берег, пуще прежнего разнюнился.

Приморился утопленник неудачливый и заснул.

Просыпается оттого, что как будто позвал его кто-то тихохонько. А вокруг – догорает прекрасный пунцовый закат, как пожарище. Слушал-слушал, из омута будто бы звук идёт.

- Помоги мне, Супонюшка, благодарность тебе выйдет великая, - низкий голос из вод говорит.

- Кто же кличет меня? - справляется парень, сам ни жив, ни мёртв.

- Это я - Дух Купеческий, - отзывается голос из глубины, - сотню лет как сижу здесь в ларце под корягою запечатанный. Благородством торговым ещё величали меня в юности. Выпусти на волю, сделай милость, а как будешь в нужде, враз тебе пригожусь, неотложно явлюсь к тебе на подмогу, на выручку.

- Да и так я в нужде, хуже некуда. Ничего мне не надо. А что ж не видать тебя?

- Потому, что я - вымысел. Да и в омуте я, как увидеть-то? Помоги, человеком будь! Слово купеческое верное.

- Помогу, отчего не помочь? Может быть, и утопнуть получится.

- Не тужи, не горюй. Дело твоё поправимое! Немедля боле, Супоня, как дайвер заправский, под корягу нырнул, зацепил там ларец и на берег совсем сухим выбрался. Отломал печать, разломал замок, крышку отворил. Дух из заточения вылетел, взвился кверху и сгинул быстрее молнии.

«Во, дурак, понаделал делов! Обманул меня Дух, по всей видимости. Хоть бы хлеба спросить у него надо было, раз опять не утоп, в животе аж

закручивает. Пропаду, видно, с голоду» – горько думает горемыка разогорчённый.

А с небес ему голос:

– Оглянись-ка, спаситель мой, по сторонам. Там уж стол тебе приготовленный. Мясо всякое, вина, салаты, сосиски, другие припасы для пикника, гамаки и шезлонги с мангалами. Угощайся, ешь-пей-отдыхай на здоровьице! А пока угощаешься, расскажи, чем помочь тебе, добрая душа? Чем порадовать?

– Ой, спасибо тебе, Дух Купеческий! – полным ртом благодарно бубнит изголодавшийся Супоня.

Накормился-насытился, да решился сказать:

– Мне бы место, какое доходное, можно даже обратно у Герыча. Лишь бы сытно питаться опять, да и сладко спать.

– У Герасима Подколодного нет вакансий теперь, уж прости. Может, хватит тебе лакеем прислуживать? Хочешь, я тебя императором сделаю? Старому царю аккурат на покой выходить. Государево дело ничуть не сложнее. Надо только нахмурить лицо официальное, чтоб сановники трепетали перед тобой. И слов бранных побольше использовать нужно, чтоб министры тебя разумели. А на этот момент дам тебе специальный словарь слов разбойных. Вся премудрость. Научишься скоро. Согласный?

Только сладились, подхватил Дух его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и понес на другой край земли в белокаменные палаты столичные. Там уж гостей собрано, полны комнаты – все бояре да вельможи, люди думные.

Как приехал Супоня, как пошёл по ковру, тотчас музыка грянула, гости с мест повскакивали, солдаты на караул сделали. Купцов понаехало, что твоих воронов на свежую пашню слетелось. Все подарочки новому царю привезли.

В первом ряду Подколотный стоит, таращится. У Герасима чуть глазёшки не лопаются от изумления, враз забыл, как Супонюшку розгой охаживал по весне. А тот тоже не лыком шит, принял в дар от работодателя бывшего, самые что ни на есть аппетитные акции предприятия (на родных и близких переписал, как положено), а Геру на посылки к себе в услужение определил. Вот как всё неожиданно повернулось.

Шире-дале, сапоги-сандали. На престол водворился царь Супоня Первый с большим почётом: опять музыка заиграла, колокола зазвонили, пушки грохнули, и пошёл пир на весь мир!

И я там был, мёд-вина пил, по усам текло, в рот не попало; ел я там капусту, а в брюхе-то осталось пусто! Сам не знаю, как отважился, пробрался тихонько к Супоньке коронованному, говорю:

- А вот можно ли мне, для примера, сказочку какую про ваше величие сложить?

- Дык сложи, болтун, - благосклонно отвечает царь, - коли умеешь.

Дали мне тут же колпак, да стали со двора толкать; потом дали мне шлык, а я в подворотню шмыг.

Наелся на том пиру наш Супоня донельзя, залез на полатки и уснул.

Вот когда он проснётся, тогда и сказочка дальше начнётся, а теперь пока вся.

Так проснулся бы там, где прилёт. Сказочки, они такие переходчивые внезапно. Ну, как очнётся обратно у омута, а чудеса-то все померещились? Жалко ведь недотёпу. Пусть бы и поцарствовал, раз уж хочется так, нам-то что? Нам до Бога - высоконько, а до царя - далёконько.

Тем и сказке конец, а мне - водочки корец.

Сказка пятая

ВОЛШЕБНАЯ КНИЖКА С КАРТИНКАМИ

Вот вы скажите мне, и я скажу. Да неужели же простая книга может жизни поменять? Ужели так бывает? Разве сто листов бумаги в буквах и картинках умеют нас преобразить, внести в судьбу поправки к лучшему, в мгновение ока ликвидировать ошибки, выправить неверную действительность и хорошенько вычистить замусоренный белый свет? И что, печатные значки под типографским переплётом кому-нибудь когда-то помогли из переплёта выпутаться?

Да неужто?

Книжоночки продажных женщин в мягких обложках по большей части мусорят, не чистят, тут и спорить не с чем. Драматургическое изложение нюансов судеб дождевых червей в навозной куче вызывает тошноту. Заумные учебники высоколобых, себя перемудривших мудрецов для узеньких специалистов, мир не учат, и свету ясности не добавляют, это ясно. Межгалактическая фантастическая врака скучна для жителей Земли. Поэтика реальности лихих людей, разбойные премудрости и воровской закон, рассказы про возвышенные души душегубов, как и вся стихия натужных криминальных приключений, отнюдь не возвышают, а напротив, принижают крепко.

Но многие теперь даже такого популярного читива воспринять не умеют. Сами грамотные, а сами никогда не читают. Где уж им разобрать, хороша ли, плоха ли книжонка. Аз, буки и веди страшат, что медведи.

Вот, для примера, Трифон Миронович вообще переплёт в руках не держал. Никакого. Никогда. Так, разве что, банковские годовые отчёты раз в год перелистывал.

По сю пору у Кторова ясно по жизни всё складывалось, не до чтения праздного, глупого, бесполезного ему было. Пышным цветом цвела Корпорация, уж не знал, по каким же счетам прибыля-то раскладывать. Молодая жена, Василина, добрела год от году, красивела молодушка тучно, аппетитнее делалась. Пуда три красоты набрала уже, аппетит у неё преизрядный был, на здоровье не жаловалась.

Теремов они себе понастроили загородных, мебелью обставили дорогущими, телевизорами обвесили плазменными. Поваров да лакеев, водителей, горничных, банщиков, и прочих дворовых людей вокруг них подъедалась как минимум тысяча. Как сыр в масле семья зажила.

Сливки общества, как по другому-то? Какова пашня, таково и брашно.

Вот, казалось бы, потрафляй животу, да и радуйся. Но богат творит, как хочет, а убог он, как может. Закручинился что-то Трифон колдытосся

не по явному поводу. Затревожился председатель купеческой гильдии безо всяких на то причин, без экономического обоснования. И тошнёхонько вдруг вся его теперешняя жизнь ему глянулась. Страсть к еде потерял совсем, поросёнка молочного с коркой хрустящей на завтрак съедал безо всякого удовольствия. Хорошо всё вокруг, богато и дорого, а не радуется. Надо же.

В это самое времечко новый царь, Супоня Первый, во вкус власти как раз входил. Свежие церемониалы выдумывал, порядками и установлениями удивительными мир честной изумлял. Повелел по субботам сечь купцов нерадивых, тех, которые не по нраву ему. Отбирал у них вотчины с предприятиями, а самих по острогам рассаживал.

Подколодного бедного, батогами да розгами государь самолично охаживал, не гнушался ведь когдатошнего олигарха всесильного, а ныне унылого каторжника, из Тобола в столицу на «Миге» всякую неделю доставлять к экзекуции. Царедворцы дивились не в силах скумекать, чем же так насолил самодержцу купчина разжалованный.

Место лобное, столько веков пустовавшее, ныне сделалось, самой что ни на есть, популярной московской достопримечательностью. Во всех мировых туристических справочниках обозначено было красными буквами. Специальный тур вы-

ходного дня для заморских путешественников так и звался теперь – «царёва расправа».

Кторов радовался по-первости, ай как ладно, мол, всё привелось, конкурента его низвели и унизили. А сегодня опять после бани доехал до площади, поглядел из окошечка лимузинного на терзание Герыча, и расстроился.

«Это что же, выходит-то», – думает, – «так и мне по спине в миг любой навалить ни за что, ни про что, царской дланью-то могут? Как так? Ни тугая мошна, ни общественный статус, ни дело успешное, никакие другие заслуги и выслуги не спасут? Да уж, дожили».

Горько стало, печально ему, а тревогами поделиться и не с кем. Настоящих и добрых друзей завести не сподобился, сплошные коллеги зубастые-ушные рядом, только дай слабину, прожуют, не подавятся. С кем делиться несладкими горестями? Ну, не с Василинкой же откровенничать. Эта сразу предаст, только хилость почувствует, не сморкнётся, не станет раздумывать.

«Бедный, бедный я», – шевелит мозгой богатей, – «сундуки добра, злата-серебра много лет копил, а к чему они? Как же дальше жить? Получается, нищий я радостью. Эх, не так я живу».

Вот ведь до какой существенной истины своим умом догадался.

Главно дело, не подсказывал никто, сам скумекал, сам запросил вразумления, сам у себя

совета выпрашивать взялся. Знать, уездили Сивку крутые горки. Знать, брюхатое естество нежную душу не всю ещё из него жиром выдавило. Значит, тонкое тело даже в очень разжившемся туловище живёт.

Хотя, может быть, в книжке одной токмо дело-то всё. Так бы, может, и жил себе припеваючи, по-прежнему всласть объедался бы, властью бы тешился, Василину откармливал, да с заплечными чёртиками маржу бы подсчитывал.

Только вот запотемилось ему намедни кабинет поменять.

Наново, значит, отделать; помоднее чтоб, пышнее, роскошнее. Красного дерева там, кожи и хрусталей, ковров домотканых в интерьер напихать, чтобы статусу соответственно. От ковров да стеклянной богемии толстого ценителя изящных искусств декораторы насилу отговорили. Мол, немодно оно теперь выглядит. А взамен стены все книжными шкафами решили оформить (вот, тебе, красное дерево) – и солидно, и статусно, и значительно, и намёк на хозяйский недюжинный интеллект.

Трише понравилось.

Но, когда принимал работу у них, за каким-то лешим полез по стремянке резной самую верхнюю полку оценивать, где, как раз, и лежал фолиант судьбоносный под названием «Иллюстриро-

ванная история Товарищества Абрикосова сыновей».

Вот так том! И обрез золотой, и обложка тиснёная, а тяжёл-то, тяжёл, что сырой кирпич. Потянул его Кторов за краешек, а тот возьми, да и тресни хозяина нового, прям по маковке, прямо в темечко. Звон хрустальный в ушах забренчал, звезды в глазах засверкали, чёртики сонные из лопатника на пол просыпались вместе с купюрами, за портьеры спрятались.

И, похоже, тогда в первый раз, голос дальний, неувственный был ему.

Голос голосом, а дизайнерам интерьерным и мебельщикам по мордасам натыкано было прямо тут, в интерьере ими же созданном.

Но задумался Трифон именно с той поры, необычно насупился, не шутя закручинился. Чешет шишку на темени, мыслит как-то по-новому, а о чём, не поймет никак. Чает что-то и мнит, а чего, в толк не может взять. До того вдруг пришло, что читать принялся. Что, по-вашему? Правильно! Этот самый, тяжелый норовистый том про купечество прошлых веков.

Никаких там чудес не увидел. Крепко дело вели праотцы, ну и что? Одна лишь идея торговать упаковкой, намного дороже продукта в нее упакованного, чего только стоит! Вот, оказывается, кто это выдумал. Прочитал, на картинки попя-

лился, да забыл. А в душе-то свербит. Кандалы и остроги мерещатся. Вот, напасть!

«Эх, не так я живу. А как надобно?» – размышляет опять.

Тут и голос ему, едва различимый, опять долетает до уха:

- Триша, Тришенька... Наконец-то одумался!

- Это кто это мне звонит? – Кторов спрашивает. А сам телефоны, смартфоны с айфонами сортирует да перекладывает, гарнитуры распутывает, понять силится, что за звук-то такой, откуда?

- Да не дёргай ты, Трифон, понапрасну машинки свои чудесатые, приспособы коммуникационные, не в них дело. Я – в твоей голове сейчас. Ну, а ежели сладимся, так и в душу вселюсь. И зовут меня – Дух Купеческий!

- Что за дух такой? Что за невидаль?

- Это правда, не видно меня, да и слышно-то плохонько. Шибко шумно живете вы ныне, с размахом ведёте дела, громко, нагло, отчаянно. На потребности пуза лишь отвечаете, а к истинам вековым не прислушиваетесь. Ты же первый, кто после Супони услышал меня. Я подумал в простецкой надежде, когда на престол возведу его, пообщаемся. Зря надеялся, напрочь оглох он от власти, не слышит меня. Ты-то хоть повнемли чуток, я же предок твой. Все деды-прадеды завсегда у

меня совет спрашивали. И тебе помогу. Всего-навсего слушай меня.

- Фигу! Слушай, ты! Как там тебя? Дух, блин! Щас мои особисты тебя мигом вычислят, и за уши подвесят! - гневливо кричит багровеющий Трифон.

Только-только ему новомодных защит от прослушки везде понаставили, экранировали дома и офисы, а тут вот что.

- До чего же вы все теперь недоверчивы, подозрительны, боязливы. Вроде мирно кругом, а вы всё воюете. Да и нет у меня никаких ушей, нам они не положены. Ты послушай, а лучше, послушайся, - откликается, усмехаясь, Дух купеческий, - выправлять тебе Дело пора пришла, вычищать из него несправедливости. Не успеешь поправиться, рухнет твоё предприятие, так и знай. С Подколодным на пару под плети уляжешься.

- Что?

- Бедный, бедный ты! Нищий ты радостью! Всё ты правильно думал, не так ты живёшь. А я знаю, как надобно.

- А как надобно? - обескураживается Трифон.

- Ты лишь слушай меня время от времени. А решать уже будешь сам. Только, если не сложно, карманных чертей удали. У меня в их присутствии голова болит, мысли путаются, звук отключается, не слышать меня среди нечисти.

- Так ты что, вправду дух?

- А откуда, по-твоему, я бы мысли твои узнал?

Долго ли, коротко ли, с толком ли, без толку ли, а годок прошел.

Что вы думаете, с той поры изменился купец именитый? Перестал самодурствовать? Взялся работников своих изнурённых почитать не рабами, а хотя бы сотрудниками? Сирым на помощь всю прибыль пустил? На подмогу наукам-искусствам проголодавшимся отдал барыш хоть один? В улучшение жизни народной вложился?

Да щас! Неужели же вы сказкам верите? Быть такого не может, и не было.

Сперва-наперво да... Чертенят родных запер в сейф самый дальний. Положил им туда на потеху наличности пуд, сто коробок с брильянтами жониными, акций там, облигаций и ценных бумаг кучу пачек, пускай сортируют-раскладывают.

Софью Лютую мигом с глаз удалил, в заграницы отправил, разжиться недвижимостью. По-другому, по-новому дело повёл. На совете директоров больше слушал коллег, рожи им бить перестал, не плевался как раньше-то в морды-то.

Вдруг советам особо перечливых путь стал давать, не наказывал за отличное слово, а совсем даже наоборот, поощрял их за кроткие дерзости, хвалил за особое мнение, активность приветство-

вал, награждал за инициативные вольности и самостоятельные решения.

Фонд завел себе некоммерческий, вроде бы благотворительный, своего имени. Как-то раз на сиротский приют денег дал. Вдругорядь дому призора за старчеством телевизор купил. Инвалидам-героям последней войны выдал каждому банку икры и открыточку к празднику один раз.

В общем, раскошелил мошну на благие дела. Не особенно щедро, конечно. Да уж лучше уж так, чем совсем никак. И на том поклон. Таким образом, выправил парень износ души, успокоил тревоги, равновеснее стал.

Ходил чистенький весь, будто тряпкою вытертый.

Наконец, даже книгу уселся писать о том, как он хорош, как исправно ведёт дела, и зачем его Корпорация нужна Родине. Вон чо выдумал! Не иначе, как Дух ему нашептал, кто ж ещё? Славу надо словами подпитывать. А насколько они, в самом деле, славны дела, не так уж существенно, это все лишь условности.

Тут про благую «миссию Кторова» добрая слава и пошла. Сорока сказала вороне, ворона – борову, боров – всему городу, город – городам, а города – всем нам!

Книжку ему, знамо дело, наёмные писателишки специальные изладили, литнигеры назы-

ваются. Не самому же букочки двигать, совсем что ли одухотворился? Вот нет.

Как был Триша наш «деревня-баня беспросветная», так таковым и остался. Не важно как плоха душа, была бы слава хороша! Реклама, по-нынешнему. Славу эту пополам с мифами и легендами о свежей прелести прекрасного маркетинга в кожаный переплёт и засунули.

Ай да книга произошла! И обрез золотой, и обложка тиснёная, а тяжела-то, тяжела, что твоя мраморная плита. Над названием долго не думали. Окрестили произведение «Иллюстрированная история Золотой корпорации Т.М.Кторова».

На душе у него посветлело, не без этого. А вот чище не стало. Полжизни росли у него там грибы-сыроежки с мандой вперемежку. Откуда свету-то взяться? Так только в сказках бывает, и то не всегда.

Просвещение впору нам, хилым убогим работникам, а сильномогучим богатырям управления оно ни к чему. Хоть прожектор на них направь, или в глаз с размаху засвети, ничегошеньки кроме потёмок не высветишь. Разве что к их деткам да внучка⁸м этот свет долетит через хорошее образование.

Но не уживается истинное образование с нашей теперешней оголтелой торговлей образовательными услугами. Только дерзкая масса гра-

мотных безобразников из прилежных учеников получается в оконечнике. Да уж.

Нужен народишку нашенскому новый какой ликбез. Да не тот, что безграмотность ликвидирует, а который бы безобразия вековые нам выправил. Учёный водит, а неучёный следом ходит. Только так вышло, что ведут нас куда-то бездушные неучи. Страшновато помыслить в какие низины уведят народ руководители низменные, высочайшими технологиями оснащенные.

Что плетёмся-то, как стадо убойное? Не брыкаемся, не противимся. Корм боимся утратить? Страхимся остаться без дешёвых удовольствий для глаза и туловища?

Прогресс у нас, понимаешь ли. А куда несемся-то? Добрее ведь ничуть не стали со времен творения. Всё прогрессивничаем, не умнеем. И выше не становимся ничуть. Костылики коммуникаций нам, прежним зверушкам в сути, лишь размножаться крепко пособляют. Вот и наразмножились мощненько. Что дальше?

Что же дальше у Кторова?

Ничего никуда не девается. Спустя несколько времени всё у Трифона вернулось обратно, где было. И черти, и Софьюшка, деловой мордобой, самодурские выходки и обжорство немереное. Все пороки на место привычное водворились обратно взад. Голос напрочь затих, как и не было. Зато слава осталась. Ох, и звонка мирская

славушка. Молва ходит, говор бродит, на что наткнётся, надолго приткнётся.

Вот вы скажете: а куда смотрел Дух Купеческий, отчего не ворчал, раз он так прозорлив?

Так ить, нет его! Он же – вымысел, образ художественный, бесполезный и слабенький. Ни во времена Абрикосова, ни в какие другие лета⁸ в реальности его не было. Он – реклама, молва или слава, не больше того, лишь для книжек потребная.

Ну, а мрак маркетинговый никакая книга не прояснит, даже не думайте.

Вот ведь как!

Сказка шестая ПРОМЫШЛЕННАЯ ЯРМАНКА

В общем, в раз один сто предприятий одного региона обширного ярманку широкою себе затеяли, ага. Раз на раз-то, ой как не всегда приходится, а тут у них, накануне Нового года, аккурат как всё удачно учинилось.

Бюджет пышным профицитом расцвёл, недрами не проторговались. Не особенно и разбазарились, даже в плюсе остались поперёк давним традициям.

Воротилы чиновные много лет у руля обретаются, присосались давно, пассатижами не сковырнуть, домкратом не отодрать, керосином не отмочить, вот и нафаршировались уже.

Лидеры нации, обратно опять, про прогресс и модернизацию с витрин телевизорных что ни день запускают фонтаны риторики. Об интеграции проповедают, жгут глаголом гнилую стагнацию, фейерверками слов гарантируют светлое будущее, в инновационную сторону пальцем указывают.

Губернатор, опять же, у шведов по случаю прикупил не за дорого современный выставочный комплекс на двадцать гектаров вместимостью. Это такой утеплённый сарай на двести тысяч персон посетителей; из фанеры, жестянки и ваты сконструированный, краской весёлой изнутри да снаружи

покрашенный в стиле «прогрессивный авангард». Да еще взял там по мелочи павильонов, флажштоков, подсветочку для красоты, то да сё.

В чистом поле поставил всё это добро и командовал выставку к празднику учредить, да не хуже, чем у людей.

Ох, и расстарались тут всем миром все предприниматели, кому было не лень. И рвение, и рвачество на полную явили. Какая такая стагнация, какой такой застой, когда прямо в руки бабло халявное плывет из госбюджета? Сплошная удача! Стяжай концессию, загребай финансирование да отчитывайся, всех дел-то.

Разномастные рекламисты, строители, отельеры и транспортники больше всех ликовали по этому поводу, ног под собою не чуяли, носились как веники.

Город вымылся в кои-то веки, подкрасился. Крупный мусор заборами огородил. Фасады, которые смотрят на улицы магистральные, снаружи подмазал, отмакияжил красивенько заграничными одноразовыми красками. Пустыри и помойки рекламой прикрыл. Фонари по ночам выключать перестал. Посветлел, приукрасился. Колоритные логотипы «широкого регионального форума» по многим углам на растяжках, плакатах и баннерах поразвесил.

Где чего недоделали лихие подрядчики, новогодний снежок довершил. От сизой унылости не

осталось следа. Радость какая! Европейского уровня внешне, живописно и статусно, прогрессивным манером начал выглядеть тусклый с рождения городишко.

Добро пожаловать!

В эту самую пору в него и пожаловал один немец французистый по имени Ганс де Кюстин, знаменитый потомок известной фамилии.

Отдалённым внучатым племянником он приходился маркизу скандальному, седьмая вода на киселе. Титулом уже никакой не маркиз, но тоже зажиточный. Как старушья клюка сучковатый фигурой, цепок взглядом, тщедушен и худ, тонок ножками, длинен пальцами, жилист волею.

Крючконосый Ганс и сам по себе был прославлен изрядно. Эвона, какой оттопыренный дяденька! Меценат, инвестор, биржевик, миллионщик нешуточный, политик влиятельный.

Он обыкновенно бразильские, индийские и китайские рынки окучивал, не в своём же отечестве шаромыжничать. Там и без него оборотливых барышников пруд пруди. Родная странёшка-то маленькая, давно всё поделено. Вот и экспортировал базовые рыночные ценности, высокую торговую философию и благородную культуру потребления варварским странам остатного мира. Методами торговал, идеями спекулировал, инвестировал в управленческие ноу-хау.

Жирно жил худой Ганс, припеваючи. А теперь и на русский простор понаведалься с ознакомительной миссией, поглядеть, где что плохо лежит.

Вот бы радость ему была несусветная, не сходи он на выставку пресловутую. Наше поле экономическое в этом смысле не пахано, всё валяется, где ни попадя, подымай, не хочу. Окрести интеграцией и бери, сколько в руки войдет. Потому что на наших бескрайних просторах, о чём ни спохватишься, почти всё очень плохо лежит.

Не ходил бы понапрасну именитый гость по русским народным представительским мероприятиям, вот и было б ему хорошо. Но попёрся же, красотой городка очарованный.

В других-то дальних краях он не мешкал, немедля свободно вступал в элитарные местные гильдии, как положено капиталы серьезные сразу же скоренько в сторону родимой сторонки перенаправлял, ротозейством и алчностью аборигенов непуганых пользуясь.

А у нас напоролся на приключения.

Ну, да всё по-порядку.

Едет, значит, вельможный турист из аэропорта и диву даётся. Первые впечатления от ландшафтного облика принимающей стороны очень даже позитивные. У Ганса от таких достижений молодого «капиталистического хозяйства» в

глазах рябит. Натуральный мегаполис, ни дать и не взять!

Надо же! На задворках у «белого миллиарда» живут, в отдалённой провинции цивилизации, а отстроились-обустроились на западный модный лад. Дороги канадские, машины немецкие, светофоры австрийские, фасады французские, рекламы американские, витрины шведские, автобусы японские, фонари австралийские, архитектуры голландские, венки и гирлянды английские. Все ведущие бренды представлены яркими вывесками и баннерами. Марки крупных сетей отовсюду блистают. Санта-Клаусы сотнями ходят по улицам.

Дальше – больше.

На открытие выставки, в новёхонький павильон красоты сногшибательной, сам государь Супоня Первый, собственной персоной, со свитой министров-экономистов наведася.

Физкультурники с флагами вышли на встречу огромным числом. Губернатор хлеб-соль поднёс. Следом девки сенные в трусах и киверах, с перьями и барабанами выскочили. Духовой оркестр с хором на тысячу глоток вечные лета и славу запел венценосцу и родине.

Набралось там гостей ото всех волостей. Делегации многих мировых держав представительные съехались, чиновники местные рангов высо-

ких собрались, солидные думные люди под ручку с промышленниками пожаловали.

Развернулся внушительный форум высокого статуса.

Креативщики и дизайнеры, не глядите, что доморощенные, отличились порядочно, пространства оформили ярко, талантливо, с выдумкой. До чего молодцы!

Ах! Глядите-ка! На стенде всемирно известной «Золотой корпорации Т.М.Кторова» реальное золото солнцем сияет! И стена с логотипом, и мебель от стула до стойки, и полы, и компьютеры, и одежда на менеджерах – всё из чистого золота. Ослепительный, драгоценный стенд. Всякого посетителя там дорогими подарками дарят, фирменный значок и кольцо позолоченное с логотипчиком выдают.

Ха! Смотрите, как интересно! Стенд известного «Бронетанкового завода» весь украшен игрушками детскими. Отовсюду торчат сотни всяческих надувных танков, пластиковых БМП, жестяных самоходок, весёленьких пушек, цветастых ракет и других разноцветных ребячьих вооружений. Музыка беззаботная тренькает.

Ух, ты! Стенд «Института прогрессивных бизнес-инноваций» оформлен как-будто бы сайт изнутри. Заходи – окунёшься в причудливый мир технологий глобальной сети, в глубины изнанки компьютерной, в цифровую стихию. Занятно.

Ах, ты! На стенде компании «КУК» развернулся премилый пикник на природе! В центре зелёной лужайки белые шезлонги и столики выставлены. Деревья и кусты вокруг шелестят. Шашлык в мангале жарится. Хочешь – винца и мяса отведай, хочешь – в бадминтон поиграй. Приятно.

Ох! На стенде «Первого губернского стройтреста» развернулась проекция круговой панорамы региональной столицы. Пригож мегаполис с высот новостроек. Красота!

Ой! Что же это такое громадное там, в потолочную ферму упёрлось? Вот тебе раз! Нефтяная качалка и газовый факел. Настоящие, не муляжи! Вот это размах! Это «Государственный нефтегазовый концерн» такой мощный стенд себе выдумал. Сила!

Ай! В сторонке от факела – звёздное небо во весь потолок, чисто сфера небесная, да с планетами, да с кометами, да с орбитальными станциями в реальную величину! Это «Региональное космическое агентство», судя по всему, целый планетарий на выставку притаранило. Круть!

Если настолько богатая выставка, значит, и страна не бедная.

Де Кюстин распяется в мыслях этакой-то презентабельной представительностью, ножонками секотит от удовольствия, но вида не показывает. Ходит степенно, знакомится методично, с

первыми лицами чопорно ручкается. Стопочку водочки под икру опрокидывает, шампанским прихлёбывает. Государю и губернатору рекомендует. Бражки с ними откушивает. Генералам промышленным и управленцам финансовым представляется. С этими выпьет наливочки под грибки, с теми настоечки под брусничку.

Сплошные князья да бояре, серьёзные воротилы кругом его. Тосты звучат обнадёживающие. Глаза разбегаются от перспектив. Кому посулить инвестицию?

Бедный ты, бедный Ганс!

Статусом справен, здоровьицем хлипанькой. Капиталом здоров, организмом некрепок. Это же вам не тянуть небольшой бокал шнапса со льдом в протяжении вечера, это же русское возлияние, щедрое и бравурное, к нему надо навьк иметь.

С непривычки-то скоренько накидался наш гость дорогой. Искренне удивлялся, не в силах скумекать, где же тут переговоры ведутся? Куда ни придёт – везде праздник и пир горой. В зачине был форум, окончилось кабаком.

Дальше – баще.

Звёзды в глазах у него засверкали. Какие-то чёртики, чёрный и белый, шашлык подносили, подавали приборы из золота, услужливо наполняли стаканы хрустальные с золотою каёмочкой. Дальше на танках катались наперегонки с новыми

знакомцами. После опять что-то ели и пили. Братались с весёлыми космонавтами. Решили слетать в орбитальную станцию тёплой компанией, но сначала поужинать. За столом о полёте забыли, барабанщицами очарованные. Потом захмелели и не заметили, как в бане вдруг очутились с тремя бизнес-девами. Толстая-рыжая веселила, длинная-бледная удивляла, мелкая-чёрная жалобила.

Следом плясали и пели с цыганами. Медведя поили вином.

Проснулся помятый инвестор в отеле.

На тумбочке, рядом с кваском и рассольчиком, весомая пачка контрактов лежит по всей форме оформленных и подписанных. Смотрит в них Ганс и не верит глазам своим. Откуда взялись? Вчера были только гуляшки хмельные, переговоров-то не было! Когда успел?

По тексту выходит, что он все свои деньги на пять лет вперёд в сантехнику вляпал, в какую-то местную «Креативно-унитазную компанию». Чудеса. Кинулся электронные счета и вклады секретные проверять, а там хоть шаром покати, как и не было капиталов!

От этой поры де Кюстин на Россию не зарился, слово «ярманка» слышать не мог.

На каждую хитрость лукавство хитрее отыщется.

Вот оно как бывает!

Сказка седьмая КАК СУЧАРУ СПИЛИЛИ

Софье Марковне Лютой, широко и гнусно известной в некоторых узких маркетинговых кругах, за глаза Сучарой в тех же тесных кругах прозванной из-за характера несносного, в последний год что-то захорошело по судьбе. На семейной ниве всё у ней срослось, как не бывало, муженёк образовался выгодный, послушный, да по карьере тоже всё особенно удачливо пошло-поехало.

И не узнать её теперь, ну надо же!

То ли это оттого, что поганую метёлкой из реальной действительности надясь погнали кубарем трёх демонических сестёр – Дурнину, Безобразину и Злобу, какие всегда Сучарушке нашей дельный совет подбрасывали, по жизни круто направляли, торгово-офисные удовольствия ей обеспечивали. А пока не стало демониц, сама собой за голову схватилась, ретивое стихомирила, спохватилась, заоглядывалась, стала по-хорошему дела обделывать, ничего лучше не придумала. Вот ей и стало хорошо.

То ли, вообще, побелело что на белом свете, и по-хорошему, а не по-подлому дела вести вдруг стало выгодно. Кто знает.

– Ты обо мне, когда-никогда, хорошую и добрую бы сказочку сложил. А то охальничаешь, дразнишься, язвишь напраслиной, – настойчиво,

но мягко укоряет меня Софьюшка, – а я ведь не такая.

– Да я-то что? Так... пересмешник угрюмый, вояка тщедушный, болтун ехидный. Моё первое дело – балагурить на жизнь заковыристее и кудахтать на судьбу погромче. Такое у меня предназначение. Обтрёпываю страшную реальность залихватским трёпом, заради красного словца ни близких, ни далёких не жалея. А так-то, да. Вдругорядь и привру бывалочи маленечко для красоты, оно и сбудется.

– Вот и соври хорошее!

– Про что соврать-то?

– Про контору мою новую! Как там справно у меня налажено и ладно всё. Как, мол, любят там меня, как уважают, жалуют. Как обихаживаю батраков. Не всякому из них так-то свезло. Они же у меня в зарплатах белых, как в шелках. Офисные стойла у них светлые, сухие-тёплые. Чай, кофе, колбаса, печенье постоянно свеженькие, счету нет. Два-три кило в рабочий день уходит, а я ведь не считаю. Пускай себе едят работники, лишь бы работу робили. Вот я какая!

– Хороша!

А ведь взаправду, с ведущим генералом золотоносной отрасли страны, ну, вы помните, Трифоном Мироновичем, Софья почитай уж год как не якшается. Завела себе совсем другое дело в сторонке от Золотой корпорации (это, значит,

раз), контору сколотила крепкую, свежими саженцами юных менеджеров офис обильно засадила (это, значит, два), на подкормку не скупится, обучает их бизнес-премудростям, удобряет, культивирует без дополнительных вычетов за науку (это, значит, три-четыре-пять).

И впрямь же неплоха, тут врать не надобно.

Хороша-то она хороша, а хорошего мало.

На первый погляд всем мила начальница, пригожа, динамична, обаятельна, а не без чертовщинки, не без червоточинки. Не зря же люди говорят: «ворона соколом не полетит». Уж коли биография испачкана судьбой, так ить просто не отмоешься.

Чернявая Софья, говоря по совести, мыться-чиститься пока не научилась, просто лихо убралась в светлый брендовый костюмчик, личико умильное себе нарисовала, не сотрёшь, белилами и пудрами его уделала, белёсый паричок на маковку принарядила. И то вперёд. Парфюмные ванны по субботам принимает, это да, но душу выполоскать не спешит, реальной чистоты покамест опасается.

Но главное – зеркал бояться перестала, вернула их и в дом, и в кабинет. Для макияжа голову уж не снимает, глаза с губами подрисовывает напрямки у зеркала, как настоящий человек, как истинная леди. И дело доброе, не шибко-то затейли-

вое, ясное, понятное, как бы по-доброму, да по-людски ведет.

Вона, какая неожиданность!

Новообразованное ЗАО «КУК», то бишь «Креативно-унитазная компания Софьи Лютой», всего-то за год в недурственную нишку на рынке втесалась.

Народишко, вишь ли, едва немного позабыл о хлебе плакать, тут-то ему творческая сантехника сразу и занадобилась. Хотите унитазных инноваций? Получите! Хоть золотые можно, хоть фарфоровые, хоть алмазные. И поглядеть, и сесть приятно! А потому, что культурно чтоб! Визуально-тактильное преобразование бытовой среды потому что. Во как! Это миссия предприятия такой закавкой у неё обозначается. Глуповато конечно звучит, но солидно и статусно.

Маркетинговые привычки и заветные желания она при этом не забыла. Обижает убогоньких беззастенчиво. Обмишурить самого чахлого работника, обдурить беспорточника по зарплате, недодать ему хоть бы рублика, отслонявить себе хоть копеечку от самого жалкого жалования по-прежнему не дурочка. Из таких вот копеечек миллионы и копятся.

Штат раздувает упорно, методично, непомерно. Принцип «не умением, а числом» лелеет. Задачи и зарплаты десяти крепких, но самостоятельных сотрудников дробит в сотню мизерных

задачек и зарплаток для сотни преданных, недорогих и бестолковых работяг. Зато, какое уважение с их стороны имеет благодетельная директриса!

Про всякий случай столы офисные тасовать не ленится, как колоду в покере по восемь раз в неделю рокирует и ротирует.

Периодическое пересаживание сотрудников – это ж визуальное, мизансценическое выражение власти, верховенства руководства. Даже самое банальное переставление шкафов со стеллажами в крохотном офисе ничтожной фирмульки каким-нибудь карликовым Бонапартиком – зримая иллюстрация сообщения: «здесь все в моих руках, и люди, и пространства».

На нас, прирученное стадо из тупых приматов и зверушек бессловесных, такие вот послания воздействуют безукоризненно, все тут же «знают свой шесток» и «кто кому Вася». Животный метод управления животными, простой и популярный в новейшем офисном животноводстве. Это дело Софьюшка обожает больше денег.

А еще любит всякие там «дамские тайны» и «девчачьи секретки» всяческие. Чего уже греха таить? Неровно в сторону женского пола дышит руководительница. Бывает.

По этакой оказии мужичкам работным в её конторе горьковато приходится, никаких у них карьерных перспектив, кроме увольнения. Токма

тычки да зуботычины и видят. Была б спина, найдётся и вина! Хотя и каждый божий день талдычится им непрестанно о «личностном развитии на базе уверенного роста». На языке-то – мёд, а в сердце – лёд.

У предприятия с мужским именем «КУК» реально бабий получился бизнес, что ни говори. Доподлинная, знаете ли, сучья вотчина. Тоже ничего нового. Чья земля, того и хлеб.

Все ключевые управленческие направления среднего звена поотданы во власть трём девам молодым да ранним. Замшами себе недавно их назначила великая владычица.

Эти профурсетки рады-радешеньки. Только-только Фифа, Стёпа и Параша были ведь никто, и звать никак, а ныне, ток прибыточными должностями оттопырились, не иначе как Феоктистой Ивановной, Степанидой Ивановной и Прасковьей Ивановной на переговорах и оперативных совещаниях величаются.

Думаете, они сёстры что ли? Какое там! Да нет, не сёстры. Всего лишь отчествами, золотомедальными аттестатами от сельских школ, городскими красными дипломами, хмельными пятничными застольями, съёмными квартирками в центре да новенькими машинёшками на офисной парковке и походят.

А так-то очень разные.

Феоктиста смугленькая ростиком не зада-лась. Мелконьякая, словно клоп и резвоньякая, будто блошка, за огромным софьиным барышом надзирает, за могучими финансовыми потоками смотрит, за дюжим движением по счетам приглядывает; налоги там оптимизирует, схемы всякие экономичные реализует. А на торгу деньга проказлива, глаза да глазоньки за ней.

У Фифы глаз на это дело наострѐн, отто-чены и цепки коготки, умеет прибыля-то выцара-пывать. Оттого и золотишком украшается из-рядно, золотошвейными нарядами поблѣскивает, серьгами и монистами позвякивает. Ровно птичка райская сияет и слепит благополучием.

Степанида длинная продажами рулит. Прямая, чисто жердь, бледнокожая и русая, словно кусок картона, корявая, как кочерга, косая несколько и крайне долгоногая, переговорами откатными заведует. Узловая пружина унитазного бизнеса. Не подмажешь – не поедешь. Стѣпа в этом деле умелица. Мало что сговорит размаши-стым языком без костей очередного алчного недо-тѣпу, так и недодаст тому потом откатной де-нежки, либо и навовсе опрокинет.

На словах же сговоры случаются, за краси-вые глаза подписываются капитальные соглаше-ния. А в глазѣнки стѣпины поди, взгляни. Я вот ни разу от неё прямого взгляда не видал. Зато сия-нием серебряным, кольцами затейливыми, бело-

снежными да острыми, пирсингом удивительным на бровях и в ноздре любовался.

Прасковья рыжая, та, что в длину, что вширь – среднего роста. Вдоль, поперёк и по диагонали, как ты не измеряй, один размер и выйдет.

Румяная всегда, розовощёкая, как ромовая баба, поставками, отгрузками, логистикой и производствами, подрядчиками заграничными, отчётами по местным работягам, зарплатами и кадрами Параша шурудит. Глядите-ка, чисто квашня квашнёй с изрядно заплывшими изюмными глазёнками, но ведь любое дельце исполняет споро и согласно.

Как-то поутру стоит Лютая у зеркальной стены в кабинете директорском, в разных ракурсах новым жакетом любитесь, а вокруг неё эти три замши на выгуле хороводы выплясывают, пресмыкаются, подхалимничают.

Больше всех раболепствует Стёпа, щебечет и врёт, как поёт:

– Ой, отрада вы наша! Какая красавица! До чего же вы, Софья Марковна, у нас ладная, и в делах, и в костюмчике. Как же справно у вас всё, красивенько на предприятии, да и во внешнем облике. Как же любим мы вас, уважаем и жалуем. Как вы нас обихаживаете. Спасибка вам!

Остальные, наперебой, повторяют турысы слов ласковых, сочиняют эпитеты нежные. Софья знает прекрасно, что врут, а приятно же. Ей бы в

зеркало поглядеть, и приметить бы своевременно, экая кака содеялась. Очень страшная перемена со вчерашними девушками прям сейчас, на её глазах и стрясается.

Лиц-то нет на них в отражении ни на одной! Ну, не то что бы напрочь нет, а черты все размытые, как на фотке плохой все расплывчатые, смазанные.

«До чего хороши у меня заместительницы», – безоблачно думает властелина наивная, потупивши очи и уши развесивши, ничего кроме па-токи лести не желая увидеть и ведать, – «разные очень все три, а по-своему в равной мере хорошие».

И то верно. Разные-то они разные, а в чём-то одинаковые очень.

Есть в таких разнокалиберных бизнес-девицах что-то общее, неуловимо единящее, как в тройке запряжных созвучное. Порода что ли? Или недюжинная и отнюдь не дамская активность?

Подобные торгашеские «тройки», поперёк пословице, запрягаются быстро и лётают стремительно. Пылищи поднимают много, но и немало прибылей приносят. Не ленятся, на месте не сидят, пусть не всегда толково, без разбора и без плана, но завсегда устраивают новые замутки и руками вечно машут энергично, то носятся и юркают по встречам, то шмыгают и шныркают по кабинетам, то залиvisto смеются, то ругаются

пронзительно. Вот они какие предприимчивые, теперешние деловые девы!

Через этих самых девок колымага софьина и навернулась.

Ай, как же лепо в первый год пошло-поехало бизнес-движение, любо и дорого! Казалось бы, живите вы себе, поживайте, отраду большим барышом наживайте. Не тут-то было! Хотели махом нарубить хоромин лубяных, а сладили поскорому хоромин земляных.

Нет, никто не умер, не страшитесь! Сами они живы все, живёхоньки остались, только лишь контору родимую подчистую угробили.

В недосмотре таком безалаберном и Сучара повинна. Как нет-то?

Спуск дала, не в то время расслабла, раскислилась. Просто-напросто вожжи-то выпустила, а сама увлеклась укреплением духа корпоративного, единением фирменным, воспитанием коллективной активности.

Дело в откуп девахам вручила. Еще недавно ноги им собственноручно переставляла, шагу без позволения ступить не могли, а тут отпустила спокойно пастись в огород. Перемен и реформ возжелала невиданных. За наукой маркетинговой в Европу скаталась, семинары и лекции там прошла дорогушие. Идеальное предприятие строить задумала. Распиарилась, как могла, по рекламным щитам расшаперилась.

Верно думалось, да скверно сделалось.

Реформаторша прогрессивная в последние месяцы непомерно терзала работный люд ритуалами несусветными, малопонятными в нашей ментальности чужими традициями, глупыми тестами и аттестациями, невнятными конкурсами, нудными корпоративами и другими-прочими «тренингами личностного роста».

Все терпели, корма хотелось всем.

До того достигло, что и гимн заказала одной распухшей от славы зубастой эстраднице, той, которая между пением пожирала обыкновенно в кулисах столичных балаганов десять свежих талантов на ужин. Не скупясь раскошелилась. Знаменитая дива наличность сочла, глаза выпучила, отменила скандалы и интервью, Софью милой подружкой повеличала, на студию ринулась, в один час был записан корпоративный гимн.

Каждое утро его заводили к поднятию флага. Выходили всем коллективом из кабинетов, ровным строем вставали вдоль стен, врубали динамик на полную мощность и вовсю дурь голосили, ажно уши закладывало. Стены всюду тряслись кругом от этого хорового пения, мебель на этаже ходуном ходила, в соседних домах стекла лопались; и несло по району окрест:

КУК – это наша судьба!

КУК – это наше спасение!

КУК – это наша борьба!
КУК – это наше прозрение!

Не грусти, корпоративный друг,
Здесь тебя поддержат сотни рук!
Ну, а если грянет кризис вдруг,
Нас спасёт прекрасный, дружный КУК!

Ух, сила! Нечеловеческая музыка!

Слова-то, вроде, добрые все по-отдельности, толковые, а вместе получается не поэзия, босовски-завиральные стишки. Такие адовы гармонии в людской действительности долго не живут, а ежели на долговременной основе станут обретаться, то горести и лихо всякое приманят. Тьфу-тьфу-тьфу.

Оно к ним и нагрянуло, злополучие, долго ждать не пришлось. Допелись.

Пришла беда бедовая, налоговая, выездная, с обысками, с выемками документов, с удалыми молодцами-омоновцами в чёрных комбинезонах и масках, с выкорчевыванием дверей, с распечатыванием сейфов, с обнаружением счетов секретных-потайных. Не до гимнов тут пришлось. Накаркали, глупые, к себе на постой горе-злосчастье, вот и припожаловал безжалостный кризис в отдельно взятое за горло предприятие.

Ишь, как быстро реальность меняется! И откуда что взялось? Все же чистенько и ловко в

отчет нарисовано было, не подкопаешься. С этойкой живописью спокон веку обходилась директорша виртуозно. Софья ноздри-то в цифирь засунула, а там – бурелом серых схем безыскусных навален с откатными каверзами. Ой-ой-ой!

Сикось-накось, коряво, прям белыми нитками шит отчет. Недоимки по податям все видать. Вот те раз!

Профурсетки симпотные расстарались, не иначе как. На кармашек себе повели деньгу, безобразницы. Завели не сморкаясь, дурнины, на себя пяток однодневных, карманных фирмёх и туда весь поток прибылей перенаправили. Директрисе, как выяснилось, отдельный отчет готовили для пыли в глаза, в нем другие потоки показывали. Будто обухом по голове прилетело такое известие.

А какой с этих спрос? Подначальные бедные девушки-сиротинушки, взятки с них гладки. Под судом оказалась хозяйка нежданно-негаданно. Самолично бумаги визировала, ей и ответ держать. Как по другому-то?

Софья сунулась к губернатору по старой памяти, тот не принял, сославшись на занятость. Побежала в приемную Кторовы, так её и на двор не пустили, не то что в приёмную.

Был у Лютой давнишний товарищ по бизнесу, федеральный судья Сидор Ахов, дядька жадный безмерно, коварный сам по себе, но влия-

тельный, и для крайнего случая очень полезный. Этот на встречу сподобился.

Нарядила Сучара костюмчик попроще, проверенных чёрных тонов, миллион обналичила ассигнациями, в ридикюль крокодиловой кожи сей спасительный брикет денег пристроила, стопку спирта с цианистым калием для храбрости хлопнула. От судьбы откупаться поехала.

– Посидеть и тебе, знать, пора пришла, – говорит тучный Ахов, маслянистыми глазками хлопая, деньги ладошкой поглаживая, – не ты первая. Всякий второй олигарх сидел, да и нам велел. Чо такого-то? Посидишь, не переломишься. Заказал тебя кто-то, родимую, а вот кто, не дознаюсь никак. Из суда, что из пруда, сухой не выйдешь.

– Дык, а денег заслать? – Софья кисло лепечет, ни жива, ни мертва от таких перспектив биографии.

– Не берут за тебя отступных ни в одном суде. Вспоминай, кому поперек чего сделала. Может быть, не спросясь расторговалась в сегменте каком чужом, может, не стала делиться, где надобно. Не вспомнишь – закروют тебя. Я деньжонки, конечно, возьму, покумекаю чутку ещё. Но ты сухари суши, не затягивай. Не бывает чудес. Кто-то очень могучий тобой занялся, не отвертись, не откупишься. Закон у нас, как паутина: шмель проскочит, а муха увязнет.

Так-таки и не случилось чудес чудесатых, не дожидаться диковин невиданных от судей филистёрского уровня, хладнокровно замкнули они гражданочку Софью Лютую в острог аж на долгие десять лет.

Вольно ли, невольно ли, три года с той поры минуло.

Неизбывны пути провидения, эвон сложен, жесток белый свет, но утешливый. Всюду жизнь прорастает прекрасная, всюду счастье сыскать можно светлое, всюду свет себе место находит законное, что в остроге, что в каторге.

Это надо же! В первый раз к сорока годам Софья счастье увидела истинное, прояснилась душа её на тюремных полатях. За острожным забором и крепкую дружбу нашла, и авторитет неподдельный, и любовь полноценную, безмятежное существо жизни сведала.

Вот не зря говорят, мол, всё к лучшему. Жгуча крапива родится, да в щах пригодится! Только в дальних тобольских лесах наша бывшая бизнес-баба одумалась, и лишь там просветление к ней пришло. Всю дорогу гонялась ведь хищною птицею за удовольствием, резво склевывала по жизни верхушки сомнительных радостей, а глубинных отрад и не видела. Во как!

Получается, злая каторга благом ей вышла.

Как-то ввечеру стоит бригадир Софья Марковна в бараке у зеркала, улыбается, мирозданию

радуется, стьлой водой умывается, с подружайками из бригады своей балагурит развесело. От большого рабочего дня, стало быть, отдохнуть приготавливается. И подводят к ней трёх новых сиделиц понурых, чтобы к месту определила их.

Смотрит Софья – Фифа, Стёпа и Параша приехали, собственными персонами. Сколь веревочкам ни виться, все равно совьются в кнут. Так с ними и вышло. Напортачили где-то сызнова, шурудилки, набедокурили. А в тюрьму при таких-то делах дорога короткая.

Лица офисных барышень почти подчистую истерлись в торговых побоищах. Поглядишь – передёрнешься, экое безобразие, срамота одна вместо лиц. Что на сердце варится, на лице не утаится.

– Ты простила бы, Софья Марковна, великодушно-то нас, сырых, несчастных сирот, – нюнит жалобно Степанида, исподлобья свирепыми глазками зыряя, – хлебанули мы жизни полной ложкою досыта, едва не захлебнулись.

– Мы раскаялись искренне, воропятим на путь исправления, – подвывает подруге вдогонку Феоктиста фальшивым фальцетом.

– Не прогневайся, благодетельница, век служить тебе будем цепными овчарками, – унисонит плаксиво Прасковья ехидная.

Софья видит, что врут опять, но не сердится.

- Как же это у вас получилось-то, милые? - спрашивает.

- Сами ума не приложим. Паморок мыслей какой-то! Это стержовная Василина Обозова тогда нас коварно смутила, подбила на пакости. Бессовестная! Посулила нам поровну трети доли от твоего предприятия. Мы ведь даже не ведали, что она женой Кторову приходится. Это Трифон Миронович гадкий порешил расквитаться с тобой. Бесстыжий какой! Нас обидел потом, не исполнил обещанного. Мы ведь тоже теперь пострадавшие, - вперевод надрываются-жалуются девицы со стёртыми лицами.

- А домой-то хотите? - улыбается Софьюшка.

- Хотим, только этим и грезим, - кручинится Стёпа.

- Собирайтесь, отправлю я вас домой! Рано вам по острогам баландраться.

- А куда домой? - осторожная Фифа интересуется.

- Да куда пожелаете. Хоть в деревни родимые, хоть в город обратно.

- В город бы лучше бы, - ликует Параша, - в деревне работы нет.

- В город, так в город. Эх, мне бы с самою собой так бы просто управиться было! - задумчиво говорит Софья, - Ладно, хитроумницы, от острога избавлю вас, но заклятие наложу. Силу

свою колдовскую в последний разочек попользую, впервые на благо направлю. Мне она уже ни к чему, а вам, авось, выправит вывихи по судьбе. Отмотаю ваше время назад ко дню выпускного вечера. Помнить всё будете до гробовой доски, а вот рассказать никому не сумеете. Лица вернутся к вам прежние, явственные и чёткие. Но если шагнете хоть мыслями на сторону лукавого бизнеса, к продувному маркетингу направитесь или к иному какому плутоватому делу пристроитесь, знайте – лицо потеряете враз и на нары приляжете мигом! Ну, поняли?

– Поняли-поняли! – кивают счастливые девушки.

– Теплее оденьтесь, затянитесь платками потуже, чтоб в уши не дуло. Гляньте-ка в зеркало, вот и лики людские к вам возвращаются, заместо физиономий. А пока собираетесь, мы с моими товарками славную песню затянем, её на всю жизнь суждено вам запомнить. Если вдруг зазвучит наш любимый острожный мотив в головах у вас, стало быть, оступаетесь, значит, не туда направляетесь, следовательно, исправляться пришла пора, чтоб не сбиться с пути.

Подошли девы к зеркалу. Снарядились в дорогу, крепкого чаю попили, несколько полюбовались собственными и давно забытыми милыми образами. За стеклом поползли разноцветные всполохи, чисто северное сияние, заволновалось

зеркальное полотно коловращением, вырвался из него вихрь невиданный, подхватил три фигуры, втянул в себя и вознес их до самых до звёзд.

А вдогонку взлетела угрюмая песня:

Возле садика млада хожу,
Возле зелена млада брожу,
Соловьиных песен слушаю.
Хорошо в саду соловей поёт,
Он поёт, поёт, припеваючи,
К моему горю применяючи,
К моему житью ко несчастному.
Не пеняю я, молоденька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца, на ясного сокола,
Ни на сестрицу, лебедь белую;
А пеняю я, младшенька,
На свою ли, на участь горькую,
На свои ли, на очи ясные.
Ах, вы очи, очи ясные,
Вы глядели, да огляделися!
Вы смотрели, да осмотрелися!

Сказка восьмая ТЕЛЕВИЗОРНЫЙ ПУЗЫРЬ

Вышла Граня Утюгова замуж за Прохора Гопника и стала называться Агрипшина Гопник. Бывает. В русских народных паспортах смешных фамилий пруд пруди.

Родители новобрачным в канун свадьбы целый холодильник Pepsi-колы подарили для начала, вместе с холодильником.

Молодые Проша с Граней прославленную газировку любили до усери; выбрали её уже от самого рождения, впитали с материнским молоком, как говорится. Ну, то есть, вместо молока. И кто там кого выбирал, тот еще вопрос. Похоже, не было у поколения этих уверенных пользователей реальностью никакого реального выбора, оно же – поколение Pepsi. Значит ей, родимой, целиком и полностью принадлежащее.

Газом и водой напичканные в детстве, фастфудовым продуктом вскормленные с колыбели, наученные каждый шаг по брендовой рекламе делать сызмальства, пивом с чипсами утешенные в юности, психоделическим музоном оглоушенные с молодых ногтей, жизнь ребятки жили, словно сразу в джинсах родились. Пожизни обычно не тужили и не мозговали особенно.

Люди как люди. Мало что ли их, таких?

Существовали двадцать лет в крупнопанельной дворовой действительности безмятежно и бездумно, мимо книжек и театров, без новостей, политики и филармоний, вне удивительных мечтаний и дальних путешествий. Не работали нигде пока, как бы учиться поступать готовились. Потому как поздние детки обои, не в меру облюбленные, непомерно балованные.

А полноценный человек состоит не только из того, что он кушает и видит. Настоящая душа выращивается из высоких переживаний, глубоких размышлений, верных дел. Ничего похожего они и не ведали. Не совсем уж бездушными, а так, слегонца не душевными выдались.

Поколение праздника праздности, иначе не скажешь. Как червячки в созревшем яблоке удобно обитали в ординарном удовольствии, то бишь, житейскими уладами только и жили двадцать лет. Не злые и не добрые, бесхитростные и бездарные, не умные, не глупые, простые. Не всякому же даровитым быть дано.

Детально с телевизором судьбу свою сверяли, поскольку не было у них иных окошек в мир. Синтетическая явь на газированной основе с плазменными красками, вона какая приглядная, понятная, ладная, без вопросов и проблем. Это вам не тоскливая хмарь обшарпанных улиц и тусклых дворов, таящая за каждой дверью тьму тьмущую проблематичных тем и всяческих гиппо-

тетических вопросов. Телевизорная реальность яснее, особенно в рекламном блоке.

Вот стоят они под венцом модные-нарядные, женятся.

А близорукий батюшка на них глаза таращит, разобрать не может, кто жених, а кто невеста. Он и не видал такого никогда. Пароксизмы унисекса, понимаешь ли. С непривычки мальчика от девочки насилу отличишь. Понимать надо.

Оба розовые, приземистые, жирноватые, как поросята, и смазливые, как пупсы. Оба стандартно упакованные в одинаковые джинсики-кроссовочки-футболочки. Оба вихрастые, начёсанные дыбом, типа, эмо вроде как, или другое какое свежее течение новейшей субкультуры. Вот так парочка, баран да ярочка!

Поп чуть умом не тронулся, пока ему не объяснили, как брачующихся различать. Фу ты, ну ты!

- Это гламурная стилистика такая, единящая новобрачных, а разница лишь в пряжках от ремней. Стразами на пузиках у них буквы разные поблёскивают. Видишь? «М» и «Ж», соответственно, - шепчет женихова маманя в ухо служителю культа.

- Это новый тренд такой, вот и кумекай, кто кому кто, всё очень даже очевидно, - невозмутимо басит папаня невестин.

- Гы, - сдержанно прикалывается жених.

– Гы-гы, – всю угорает невеста.

– Гы-гы-гы, – покатываются со смеху разоде-
тые разностильные гости.

Так и повенчались.

Весело так-то, с дорогими подарками, с бо-
гатым столом, с потешными шутками, с неисто-
выми плясками и угарными приколами по жени-
лись. Но свадьба эта развесёлая ничегошеньки у
них в налаженной судьбе не поменяла. Женитьбы
редко что серьёзное переменяют в жизни у людей.
Да и зачем им перемены, когда и так нормально?

Шипучей колы море разлитое с утра до
вечера обильно плещется в высоких шоколадных
берегах. Одежда и обувь высочайшего сорта-
мента, не магазинная, бутиковая только, из гарде-
робной аж вываливается. Еда элитарных сортов в
дорогой упаковке по двум высоченным холодиль-
никам распахана. Престижные рестораны с клу-
бами всегда VIP-места резервируют обеспечен-
ным юным господам, дорогим посетителям.

По рекламному образу и подобию, пря-
мыми прелестями удовольствий жалуется ребят ре-
альный мир. Как принято считать, так он и вы-
глядит, здоровый образ жизни. Сауны, бассейны,
теннис, шопинги, кино и шоу, тусовки, чмоки и
чпоки, концерты, пикники и телевизор – обыкно-
венная реальность буден продвинутого обыва-
теля.

В общем, иногда любилась, усердно ели, крепко спали, сладко пили, много забавлялись и отдыхали детки неустанно.

Подарки свадебные, как положено, наших молодых приверед не очень впечатлили. Ну да, квартира новая с ремонтом, ну, свадебное путешествие в Европу, ну, именнные банковские карты. Ну, и что такого?

Опять же машинёшка не особенно задрипанной модели, из одежды кое-что, маленько ювелирки, из мебели да всяческой домашней электронной утвари всего понемногу. Граня с Прошей это дорогущее добро, на которое иной работяжка всю жизнь кладёт, восприняли как должное, «спасибо» брякнули, да и забыли сразу, кто чего им подарил.

Не то что бы они неблагодарные такие уродились, а не привыкли просто оценивать-то дельные подарки, в упор же не соображали, откуда что берется. Своими силами основы быта созидать не научились, да и не собирались этим скучным делом заниматься. А зачем, когда и так все создано? Типа, есть и есть, никуда не денется.

Семьи на обеспечение наследников не поскупились.

Главы семейств Утюговых и Гопников каждый всю дорогу специально купленные много лет назад квартиры внаём для денег сдавал. Неплохая выходила прибавка и к зарплате, и к пенсии.

Как узнали щедрые деды о перспективной женитьбе, принялись менять-выменивать жильё для молодых. Вот же тороватые какие, как было у них две квартиры для дохода, так и осталось две, плюс однушка в центре Граньке с Прошкой на-слонявилась, непосредственно к свадьбе. Будет, мол, с них и однушки. Всё равно же детками не занимаются. Да и кто бы им позволил.

Женишок с невестушкой-то крепеньких двойняшек, мальчика и девочку, народили за-долго до свадьбы ещё. Вот, какие скорые! Под крылышко бабулям, под присмотр наёмным нянькам-мамкам, естественно, подбросили, не самим же обихаживать. Сделал дело – гуляй смело!

Те малюток на две семьи распределили мирно. Удачно так. Двойное же потомство вывелось, хорошо на равные доли делится. Мальчишка бабке-генеральше отошёл, девчушка – бабке-ректорше.

Деды, отставной генерал Утюгов и бывший ректор Гопник, недавно как на пенсии персональные повыходили. Оба заслуженные деятели, по-потчеванные почестями вдоволь, почётом награждённые неоднократно, не нам чета. Во славу родины по мере сил трудились, при этом о себе не забывали. Ещё недавно от карьеры удовольствие стяжали, теперь вот внуками решили приукрасить старость лет.

Бабки резвые, которые ни дня на родину не робили, а тока на семью, как в молодые годы вновь повели обширное домашнее хозяйство, обслуживали мужа и дитя, над одеждой и едой корпели, с превеликим удовольствием стирали, мыли, шоркали, варили, в дачах огородничали. В смысле, с поварами, нянями, садовниками и другой прислугой управлялись мастерски.

Отменно семьи зажили!

Бабули, поскучавши в пенсионном-то досуге, о болячках думать позабыли, воспрянули, помолодели, на выращивание внучат набросились с немалым энергичным прилежанием.

Агришину с Прохором оставили в покое.

А тем только того и надо было. Главный подарок в доме поселился – телек! Остатние радости вроде и не в радость.

Вот уж угодили родоки, так угодили. Ключевой предмет не только интерьера, основы жизненного существа, никак не меньше. Плоская плазма в половину стены с прекрасной чёткостью и цветопередачей, да с кучей пультиков, да с квадразвуком! Лепота пришла! Вот уж подарок, так подарок!

Глазёнок брачной ночью молодые на секунду не сомкнули, в койке всё сидели, в новый телевизор пялились, започивали только к третьим петухам счастливые и убажённые. Вот это жизнь

приспела, разноцветная, живописная, яркая, как в заграничном детском сериале!

Настало счастье! И раньше-то его немало было, а теперь ещё больше сделалось.

Долго ли, коротко ли, порой смешно, порой грешно, а двадцать лет пролетело, как не было их.

Как-то ввечеру, в часы бордового заката, гигантскою малярной кистью вымазавшего рекламные щиты, дома, троллейбусы, деревья и людей абсолютно красной краской, когда остывающий от летнего зноя бледный город окрасился пунцовыми тонами, Прохор с Агипшиной привычно улеглись к экрану. Заштоторились плотнее, пакетиками с чипсами, ведёрками с попкорном и коробочками с пиццей обложились, обставились пивком и колой, чтобы не вставать лишний раз, переглянулись томно, придвинули поближе пульта, трепетно на кнопку пуска надавили.

Тут и стряслось совсем не то, что ожидалось.

Видение фантомное, невиданное, резко ослепило, потрясло, сразило оторопевших телезрителей. Хорошо хоть в диване лежали, а то бы ведь наземь попадали от страшной внезапности. Плоскость экранная вспучилась, заволновалась, поползли вдруг по ней красные багряные блики да пурпурные всполохи, кровавый плазменный пузырь надулся в полквартиры.

Страсти какие! Чистый пожар и кошмар.

В пламени том пузырились, тонули как в лаве вулкана, вскипали и лопались рекламные образы, марки и бренды. Уши пронзил жуткий грохот и треск пополам с музыкалкой из слоганов, джинглов, рингтонов, заставок. Огненным колесом скрутилось палящее зрелище, раскаленной спиралью свернулось и кануло крохотной точкою в бездну экрана.

Сгорел телевизор навовсе.

- За что же это нам? Мы же ничего не делали, - жалобно лепечет Граня.

- Не делали, ага. С чего бы это вдруг? - пасмурно удивляется Проша.

То-то и оно, что ничего по жизни никогда не дельвали детки сорокалетние. Не сложными вопросами, односложными ответами определяли бытие. Были они модные, а стали старомодные. Только детей себе вовремя произвели, хоть тут постарались, свершили предназначение. Вот это правильно, вот это молодцы. Хорошие детишки получились, кто бы спорил. Так это дело-то нехитрое.

По-тараканьи как-то выросшие недоросли прожили свою судьбу. Лукавую купеческую гильдию стабильным потреблением эмульгаторов и красителей вдосталь потешили, не без того. Креативным рекламистам высокий доход обеспечивали, это да. За пользовательские удовольствия

рассчитывались аккуратно, но не своим трудом, родительским наследством.

Всё вошкалились неуклюже в липких силках пресловутой потребительской корзины наслаждений, ни разу из неё на белый свет не выбирались. Суррогатными впечатлениями души тешили. Поучиться так и не привелось, поработать не удалось, друзей завести не сподобилось. На усилители вкуса и подсластители быта растранижирили, издержали, в ноль прожили накопления предыдущего поколения.

Отчего не растратить, когда оно есть? Вон же, двойняшки уже подросли, хорошо выучились, сразу работать пошли, поженились немедля, тотчас своих двух детёнышей вывели. Порядочными людьми получились. Ежели чего, не оставят родителей без колы и телевизора. Раньше-то дедки и бабки держали семью, а теперь пускай дочка с сыночком. Жизнь продолжается!

Но вот незадача.

От этой поры так и горят в доме у Гопников телевизоры. Сколько уж было накоплено всяких и разных, отечественных и зарубежных, дорогих и дешёвеньких, а всё без толку. Лопаются экраны и всё тут. Кто-то, видать, наставлять дурачков недалеких пытается, образумливать пожилых юниоров. Безуспешно пока, погорит у них телевизор, эти вприпрыжку за новым бегут.

Такая вот вышла в прекрасном роду бестолково-рекламная пауза длиною в одно поколение.
Бывает.

Сказка девятая

ДВА ИВАНА И ДЫРЯВЫЙ НЕВОД

Застольным манером, неспешной беседою, большой закадычной оказией, заспорили как-то два крепких приятеля-предпринимателя на одну злободневную тему.

Два дельных и записных коммерсанта, оба Иваны по имени, пароходную компанию «Фофанов и Угаров», рыболовецкую артель одноимённую, да несколько фасовочных цехов держали.

Не первое время совместно вели они сие дело полезное, согласно и вкупе трудились. А тут шумный спор затеяли, дебаты страстные устроили, полемику здоровущую развели под финал рестораторского ужина.

Не на шутку зацепились языками, ага.

- Любишь ли ты скоростной интернет, как люблю его я? – первый Иван спрашивает.

- Пользовать, в общем, люблю, а так-то – нет, – отвечает второй Иван.

- Ты что, совсем не обожаешь интернет?

- Нет.

- И не полюбишь никогда?

- Да.

- Какой ты, Ваня, всё же, валенок несовременный! Пень старомодный, честное слово. Бороду впору отращивать и в тулуп наряжаться. Намазать дёгтем сапоги, кислых щей похлебать,

машину сбывать, планшетник детям завещать и телефоны в мусорку снести. Потом худого мерина запрячь в скрипучую телегу, собрать пожитки, припасти съестного и на расхлябанной подводе с деревянными осями вернуться в приснопамятный девятнадцатый век. Там тебе и место! Любишь его?

- Кого?

- Девятнадцатый век.

- Не знаю. Я люблю в досуге пораскинуть умом над книгами из той поры, прочесть подробно и не торопясь, как про него великие писатели рассказывают, а так-то – недолголюбиваю.

- Ладно врать-то! Видно же, что любишь, ясно же, что почитаешь.

- Люблю наверное, но сложную любовьюю.

- Сковородник несчастный. Книжки он читает! Так и скажи, что лузер. Не умеешь, мол, управиться с нововведениями своего века и не догоняешь прогрессивные новинки. Тебе же интернет, как микроскоп для боцмана, такой же актуальный!

- Чего бранишься? Сам-то будто шибко прогрессивный!

- А что? И прогрессивный, и продвинутый! С тобой, отсталым реакционером, с ретроградом недоразвитым и не сравнить. Я в глобальной сетке, как рыба в воде; всё там моё, всё я там знаю, всё умею.

- Рыба в сетях долго не живёт. Нашёл, чем гордиться.

- Ты бы к словам не цеплялся, несвежий читатель, блин, а попросил бы компетентного юзера научить тебя, убогонького, технологичному уму и сетевому разуму.

- Научи, сделай милость.

- И научу, не посморкаюсь! А то окончательно заплесневеешь в невнятной пыли своих старых книжек, будто перезрелый гриб. Так и не изведаете полновесной ясности новой действительности. Тюфяк же тюфяком!

- Неправда твоя. Я тоже иногда уверенный пользователь, а не гриб и не тюфяк, умею временами в интернете инфу юзать.

- А к делу почему её не применяешь?

- Тебя поджидаю!

- Вот ты и дождался! Здравсьте! Ох, ты у меня попляшешь, пользователь «иногда уверенный»! Давай-ка, прямо тут сейчас начнём планировать бюджет рекламных действий в интернете. Такой милый ресурс порожняком простаивает! Не порядок. Мы его на службу делу пароходно-рыболовецкому мобилизуем. Правильно? Замастырим себе сайт, обойму баннеров зарядим, контекстную рекламу запузырим, оптимизацию закажем. Как бы невод раскинем не в море действительно, а в онлайнном океане. Смекаешь? Будет нам за это эффективное развитие. Согласный?

- Дорого оно, поди?

- А не дороже денег!

- Ну, давай, попробуем.

- Фигу! Пробовать не будем, сразу станем делать, знаю я твои повадки. Зачнём незамедлительно, не мудрствуя лукаво, не раскачиваясь. Я уже и черновик финплана набросал в общих чертах. Ликвидность у продукции по самым приближенным прикидкам должна умножиться в разы. Возможно, что освоим незнакомые доселе рынки сбыта. Или дополнительный какой-нибудь торг заведём. Кто знает, может, даже эксклюзивными поставщиками рыбных деликатесов ко двору его величества Супони станем. А там и не грех кучу новых команд матросни понабрать, число судов и уровень добычи увеличить.

На том и сговорились. По рукам ударили и хлопнули по полной стопке «с горкой» за здоровье инновационного почина. На ход ноги, как говорится.

Долго ли, коротко ли, чаще бессовестным юзером, реже стеснительным лузером, минул год времени. Отложился на сервер истории, заархивировался в глобальном хранилище файлов реальности.

Опять Иваны сели в ресторацию, в отдельный кабинет.

- Дьявол морской бы побрал и тебя, и твой невод хвалёный! - яростно бранится Угаров на

Фофанова, – И где же развитие? Где же ликвидность? Год уже кормим сайтистов с дизайнерами, копирайтеров и провайдеров, но пока никуда не продвинулись. Шуму наделали много, эффективности – ноль.

– Дык, рано, наверное, результаты оценивать, – отвечает партнер, пуще тучи нахмурившись.

– А, по-моему, поздно уже, друг ты мой прогрессивный. Навигацию пропустили, серьёзный бюджет на какую-то вздорную глупость разбазарили, знаменитые стали, известные, только прибыли так и не видели. Слава нам выросла, а доходы понизились. Как же так?

– Сам понять не могу. Всё по грамотному, всё по науке изладили, а оно не работает. Мастера говорят, слишком мы экономные, шибко прижимистые. Чего-то такое плетут, что вроде бы в нашем том неводе огромные дыры остались какие-то не залатанные. Крупной рыбы такой приспособой не выудить. Может, и правы они? Специалисты же, не случайные своей работе люди. Ребята модные, именитые, все как один престижно образованные, опытные и сноровистые. Быть может, внять их советам?

– Чего рекомендуют?

– Предлагают детальнее оптимизироваться и немного вложиться в прицельный охват самой жирной аудитории.

- Мастера они деньги выклянчивать. Получают финансы реальные, результат выдают виртуальный. Принимают заказы по телефону, отпускают по телевизору. Ни копейки им больше не выделю и тебе не советую.

- Ну, давай, попробуем, - виновато канючится первый Иван.

- Фигу! Пробовать больше не будем, - жёстко второй Иван прерывает напарника.

- Как же так?

- А вот так! То, что прежде оплачено было, пускай и работает, ничего нового уже не берём, даже не заикайся. Возвращайся к реальному промыслу в настоящее море. Для того чтобы все твои сайты с порталами справно работали, их не деньгами надо накачивать, а реальной известностью в реальном секторе. Тогда невода будет не надобно.

- А как же оптимизация?

- Будет тебе и оптимизация. Невеликое откровение, семи пядей в мозгу для его постижения, Ваня, не нужно иметь. Когда станешь ты в жизни хорош-знаменит мощным делом под собственным именем, пресловутая сеть вдруг сама забурлит и вниманием, и уважением. Она же, как зеркало увеличительное. Будет чего отражать в объективной реальности, отразит в виртуальной, на миг не задержится. Без каких бы то ни было дополнительных капиталовложений. Ещё и приплатит, чтоб ты ей внимание уделил, в очередь будет сто-

ять за твоими новостями. Только нужно сначала стать кем-то заметным в действительности.

- Это что же, глобальная сеть теперь будет без нас?

- Вот и нет. Мы в неё уже втемяшились. Захотим, не отвергемся. Только с этого дня об интернет-технологиях будем судачить нечасто и на досуге. Не против?

- Согласен.

- Так что завтра с утра пораньше садимся основательно решать, ситный друг, как бы нам разлюбезный наш бизнес, немного запущенный, толково и грамотно оптимизировать.

Этим и согласились.

Сказка десятая КАК АФОНЯ РЕКЛАМУ ТОРГОВАЛ

Провинившийся Афонька в коллективе Подкольного тоже надолго не задержался, согнали его начисто с должности. Как и Супоня тоже выдран был примерно парень, также получил под зад коленом, и никчёмной резвой пробкой, с превеликим свистом, вылетел на вольные хлеба с насиженного места.

Говорят вот, в старину всё какие-то удалыцы и молодцы рождались, а нам от них, мол, только сказочки остались. Вот неправда!

Теперешний век тоже богатый на удалых богатырей и на чудные небывальщины про них. Афанасий Перегудов – истинный тому образчик, соответственный своему времени. Действительный герой и молодец!

Каковы времена, таковы и герои.

Другой бы взялся выправлять образовавшийся износ души и досадные оплошности в карьере излюбленными дедовскими методами: взял бы славный штоф (а то и два) пшеничного вина, да закручинился бы на неделю, на другую, с чувством, с толком, с расстановкой. Укушался бы «в кашу», надеясь миновать невзгоду «в синей яме», «в санях» или «на кочерге».

Часто с нами такое случается, не действуем в ответ напастям, а сидим на месте, руки заломив,

горько переживаем тёмное лихо внутри себя. Болеем, а не лечим боли. И сила, вроде, есть у нас, и воля; силы воли нет.

Но только этикие выверты не про Афоню. Не такой у него характер. Он же сразу волевым и действенным мужчиной на свет уродился. Пусть недалёким, но решительным. Ну, оконфузился разок по-крупному. И что такого? Небо на землю не упало. Стало быть – всё поправимо! Присутствия духа не потерял, не расплакался, не раскислился, не рассупонился, как коллега, а вовсе даже наоборот, азарт и задор молодецкий почувствовал.

Этак-то и надобно на злополучия судьбины отзываться. Как говорится, нас гнетут, а мы крепчаем, нас согнут, мы не ломаемся, придет черёд и разогнуться. Дошлый он по жизни и ухватистый дядька сформировался. Человек с такой повадкой из любой передряги выгребет, из любого потопа выплывет.

Торною дорожкой Перегудов не пошёл.

Смекнул, что козь осливили его в элитных деловых кругах, в олигархическом бизнес-сообществе, то по второму разу тёплого местечка там уж не сыскать. Ему и самому уж надоела пусть и высокодоходная, но, в общем-то, срамная служба и собачья должность – поедать финансовые подачки из хозяйских рук, приплясывая и

кривляясь. Он уж и какие-никакие стартовые средства подкопил для собственного дела.

Образование – в наличии, деньги – в наличии, связи – в наличии, опыт – в наличии. Самое время обналичиваться в биографии! Монетизировать, так сказать, судьбу. Высоко не мостился, среднее рекламное агентство «РАНЕТ» в интернете для корпоративной клиентуры учредил.

Нисколько не колеблясь, поставил во главу угла своих новых занятий ясную, простую цель – извлечение предельной прибыли. Подсказки про высокую стратегию и благородную миссию оставил теоретикам для книжек и учебников. Пусть себе пишут балаболы, молодуськам головы морочат.

Но что-то вроде миссии сам для себя определил, установил вектор развития, главную задачу обусловил. Старинная купеческая миссия – поскорому рубить бабло во всех сегментах, покуда конъюнктура позволяет – не одному десятку тысяч предприимчивых господ внушительные прибыли обеспечила.

А чем Афонька хуже?

Он дельной старины не игнорировал, научениям вековым кланялся. Брал от партнеров и заказчиков всё сразу, выбирал до дна, при случае и обобрать не брезговал, а уже после разбирался. Базар ему цену говорил. На субподрядчиках свежеиспечённый рекламист отменно наживался,

стяжал заказ в одном месте, размещал в другом, сам ни дня не сеял, не пахал, никаких реклам в интернете сам не выдумывал, а тучный урожай дензнаков всегда имел.

Раз пришёл к нему крупный заказчик Иван Фофанов, директор рыболовецкой артели, и говорит:

- Хочешь, не хочешь, а будем мы, Афанасий, рвать с тобой договор. Оплошка вышла!

- Что за оплошка?

- Целый год, почитай, продвигаешь ты нас, только мы никуда не продвинулись. Эффектов много, эффективности никакой. Сам посуди, за коим лядом нам сдалась такая реклама?

- А вам известно, что останавливать рекламу, экономить на рекламе, это всё равно, что останавливать часы, чтоб сэкономить время?

- Правда? - впечатляется премудростью Иван.

- Истинно так! - наседает Афоня, слабинку почувствовав, - Я бы, на вашем-то месте, бюджет увеличил в разы, а не резал бы. Говорил же я вам, что скупой платит дважды.

- Мы же вдоволь платили, а зря, получается.

- Не шибко-то вдоволь, но отнюдь не напрасно. Курочка, как водится, по зёрнышку клюёт. Будет вам зря, если вдруг остановитесь. Самый момент наступает эффект в эффектив конверти-

ровать. Непрозорливо теперь договор расторгать, пожалеете.

- Это дело решённое. Партнёр у меня заартачился.

- Ну, так что за проблема? Могу завершить договор прямо сейчас, а работу при этом продолжить на базе частного уговора. И партёру потрафим, и дело изладим.

- А разве так можно?

- Легко! Я тебе доверяю всецело. Верное слово купеческое! Завтра поутру разочтёмся наличностью за полгода вперёд, все дела. Хочешь - золотом, хочешь - валютою, да хоть ассигнациями.

- Ну, давай, попробуем, - недолго подумав, решается Фофанов.

Процветал «РАНЕТ» пышным цветом, иного слова не подберёшь. До того удачное предприятие наладилось, такими-то методами, что и сказывать, вроде как, больше не о чем. Как ни расписывай успех первостатейный, так и напишется во всех словах - успех.

Это вон злополучные неудачи, провалы и обломы, каверзы и срывы, буераки невезения и прочие коварные чащобы неуспеха в разы остросюжетнее, намного интересней, заковыристей и занимательней. Они у каждого свои, с причудливыми нестандартностями и оригинальностями. Интрига в них есть детективная. И потешут нас они, и порадуют.

А что успех? Ну, просто хорошо везде и всё у человека, всего-то навсего. И чо? Благостные байки про подробности чужих успехов нам слушать тоскливо, неприятно, а многим обидно.

Вот и не будем о грустном. Не может же быть, чтобы так уж всё гладенько на рекламной ниве у этого молодца сладилось. Как без подвохато? Любая палочка о двух концах.

Вылез подвох, врать не стану, но совсем не в том месте, где его ожидать должно было. Везенье без ума – дырявая сума, где сыщешь, там и сгубишь. Подстерегла Афонюшку особенная каверза, все планы перепутала, порушила.

Он только во вкус жизни стал входить, замок загородный присмотрел купить в Европе. Там и деток задумал выращивать-обучать. Деток тоже замыслил заделать, но после приобретения недвижимости. Про жену и не думал пока, вот уж эта отыщется, не замешкается.

В отечестве всё уже куплено, а для жизни отчизна какая-то утлая и кургузая, чужбина заманчивей. Не на родине же старость встречать? На родине пока повкальвать надо, прибыль извлечь, прирастить капитал, вывести его за рубеж и зажечь себе припеваючи за границами. План, признаться, банальный, так и Афоня невеликий оригинал.

Рано распланировался, отрезвила делегю напасть редкостная, неотступная.

На его барыши вдруг утраты посыпались, будто козыри, бьющие мелкую карту. Сколь запишет себе прибылей, ровно столько же потеряет вне бизнеса. Полетит отдыхать на курорт – весь багаж и наличность упрут. Прикупит квартиру – она и сторит в тот же день. Заведёт новый офис – его и грабят три раза подряд. А машин сколько угнано? А счетов сколько взломано?

И вот так – до чего ни коснись.

Предприятие пухнет, как на дрожжах, а по жизни – убытки сплошным косяком. В первый год он одно-то с другим и не связывал вовсе. Упирался, поверить не мог, не хотел даже мысль допустить. Но потом догадался до очевидного.

«Вот так бизнес!» – подумал, – «Чот не пристали ко мне капиталы. В руках подержал, да спустил абсолютно. Даже стартовых денег себе не вернул за два года».

Глуп Афонюшка, а не дурак. Ум для бизнеса – далеко не первая надобность, нюх важнее, сообразительность актуальнее. Провидению прекословить – себе дороже.

Ликвидировал рекламист незадачливый благополучное предприятие в мгновение ока и забыл об успешном рекламном бизнесе, как о страшном сне. Напросился работать к Супоне по старой памяти, императорским телевизорным пулом заведовать.

Тем и кончилось.

Не зря говорят: прибыль с накладом на одной подводе едет!

Сказка одиннадцатая НОВЫЕ ЗАПЛАТЫ

Не давно это было и не недавно. То ли в года старопрежние, то ли на прошлой неделе вышел я в город отечество взглядом окинуть, на люд посмотреть.

И где очутился, понять не сумел. Может быть, в давнем минувшем, а может, и в будущем дальнем. Кажется, в веке былом, но, возможно, что в веке грядущем. Кто его знает?

Знамо же дело – никуда не идут времена. Ничего не меняется. Монолитно эпохи на месте стоят. Это мы, торопыги, бегом по ним топаем, проворно по жизни проходим, суетливо по судьбам вышагиваем.

Словно котёнки какие с хвостами задра-тыми носимся по своим временам, языки повысовывав. Бегаем, прыгаем, кушаем, ссоримся, миримся, ластимся, дерёмся, воюем, охотимся, учимся, любимся, подличаем, каемся, воруем, пакостим, творим, наживаемся, тоскуем, размножаемся. Обычный мы народец, новости любим, перемены не терпим. Чудачим и умничаем, болеем и лечимся, созидаем и рушим, хохочем и плачем, веруем и грешим. Да то ли ещё вытворяем для своего удовольствия.

В общем, живём-поживаем, добро наживаем и смертушку поджидаем. Переменами внешними

тешимся, в колоритный наряд наряжаем пространства, яркой одеждою забавляемся, ничего существенного не изменяя по сути.

Вот иду.

Впечатляюсь наружными достижениями. Есть на что посмотреть, есть чему подивиться! Очень всякое, многое, разное нам о нас они могут порассказать.

Кто они? А картинки и фотки с призывными лозунгами, двести лет хорошо маскирующие нашу вечную тяготу жизни, утешая унылую грусть городов, и цветными заплатками починяя изрядно почиканный молью вицмундир бестолкового государства.

Элегантно или весело, драматично или наивно, вызывающе или сдержанно, но со всех углов и фасадов, из витрин и с афишных тумб на всевозможные лады широко разливается эта стройная симфония естества.

- Упрощённая фотография аппаратомъ «Кодакь»! Заряжается при дневномъ свѣте! Имѣется въ продажѣ у всѣхъ торговцевъ! - уверенно ведет увертюру старый фотографический магазин.

- Будущее зависит от тебя! - коротким акцентом звучит зеленый «Мегафон».

- Быстрее, чем ты думаешь! - далёким эхом вторит мелкий банк.

- Всемирно известные автомобили «Фордъ» незамѣтны на русскихъ дорогахъ! Патентованныя самодвижущіеся коляски «Бенцъ»! «Опель» для Сибири! – уверенно вступает трио из автомобильныхъ баритонов.

- Экономика должна быть экономной! Летайте самолѣтами «Аэрофлота»! – раздаются резкие плакатные фанфары.

- Молочная мука «Нестле» для кормленія грудныхъ дѣтей во всей Россіи, – тонкими флейтами переливается простенькая мелодия.

- Въ питаніи сила! – подпевает ей какао «Жоржъ Борманъ».

- Нет на свете краше птицы, чем свиная колбаса! Развивайте свиноводство! – поперек созвучий беспардонно встревает бородатый грубиян «Мяспром».

- Рыбка мелка, да уха сладка! Килька и мойва на всех прилавках! – совсем не в тему присоединяется к рекламному оркестру магазин «Океан».

И такая визуальная музыка льѣтся всем нам со всех стен на все головы! А головы и в ус себе не дуют. Внимают широко раскрытыми глазами.

Трое безусых, юрких скейтбордистов хихикают до колик, загибаются от смеха, с досок соскочив, и тычут пальцами в эротичную афишу, уробно голосящую:

- Интересно для мужчин! 25 штукъ карточекъ красавиць въ купальныхъ костюмахъ и безъ оныхъ, очень интересныя!

Чуть успокаиваются ребятишки, едут дальше, слегка оглядываются и вновь соскакивают, вновь смеются. Я тоже прыскаю, слыша фальшивый афишный возглас:

- Роскошные щегольские усы развиваются въ короткое время при употреблении усатина «Перу».

- Нигде кроме, как в «Моссельпроме»! Галюши «Резинотрест»! Нигде кроме, как в «Моссельпроме»! Лучших сосок не было и нет, готов сосать до старых лет! Нигде кроме, как в «Моссельпроме»! Трёхгорное пиво выгонит вон ханжу и самогон! - набирает ритмы фееричная оркестровка.

- Все курят папиросы «Пушка»! Все курят папиросы «Бокс»! Нами оставляются от старого мира только папиросы «Ира», - скандируют авангардные тромбоны.

Следом подключается духовая группа:

- Человек человеку - друг, товарищ и брат!
- Ты записался добровольцем?
- Кто - куда, а я в «Сберкассе»!
- Родине Ленина слава!
- Все везде пьют воды «Заря»!
- Любимый Сталин - счастье народное!

- Прочны и удобны в работе кирзовые сапоги «Рособувьторга»!

- 8 марта – день восстания работниц против кухонного рабства. Долой гнёт и обывательщину домашнего быта!

- С каждым днём всё радостнее жить!

- Записывайтесь в колхозы!

- Ночь – работе не помеха!

- Пользуйтесь зубным порошком!

- Не болтай у телефона! Болтун – находка для шпиона!

- Если ты читать не будешь, скоро грамоту забудешь!

- В письме домой, смотри, случайно не болтай военной тайны!

- Всё для фронта, всё для победы!

- Наше дело правое, победа будет за нами!

- Наше дело правое, мы победили!

Уф... Пауза...

Издали, неясным ностальгическим мотивом вступают струнные:

- Народные бани Михельсона. Всѣ ванны – мраморные!

- Военный заем ускорит побѣду надъ врагомъ. Подпишите, проложите путь к побѣде.

- Нѣтъ ничего лучшаго, как «Маги», бульон въ кубикахъ!

- Помогите несчастнымъ дѣтямъ, купите красное яичко! Въ пользу дѣтскихъ трудовыхъ артелей и ночлежныхъ домовъ.

- Керосино-калильные фонари и лампы «Люксъ». Самое дешёвое и блестящее освѣщение!

- Всё для побѣды!

- Всемирная побѣда! Американская пишущая машина «Ундервудъ»!

- Новофонографы Патэ из Парижа!

- Новость! Карамель «Гоголь» товарищества «Реномэ»! Конфекты «Раковые шейки» паровой фабрики конфектъ, шоколада и какао товарищества «Д.Кромскій».

- Вино - лучший другъ желудка! Товарищество пиво-медоваренного завода «Иванъ Дурнинъ».

- Папиросы «Кремъ». Не табакъ, а сливки! Продаются всюду.

- Лучшія галоши въ мірѣ! Товарищество «Проводникъ». Безусловное ручательство за высшую прочность.

- Все курят гильзы из бумаги «Филигрантъ» фабрики торгового дома «А.Катыкъ и Ко»!

Признаюсь, давно уже кругом идёт голова, а сумбурный концерт для рекламы с оркестром даже не близится к завершению. Две бизнес-леди за моей спиной, похоже, тоже недовольны качест-

вом произведений. Вышли из автомобиля, насупливают брови, губы морщат, свирепо возмущаются. На что они там смотрят? Что их так разгневало?

Понятно. На плакате желторотый гимназист с огромной папиросиной в зубах. Шейка тонёхонькая, картузик на затылке, глазёнки на выкате, дымит, шельмец, как паровоз, а снизу подпись:

- Если дѣти курят и вы их не можете от этого отучить ни просьбами, ни наказаніями, то посовѣтуйте имъ, по крайней мѣрѣ, курить только гильзы от Катыка!

Хороша рекомендація, ничего сказать!

Но даже у сомнительных советов есть своя благодарная аудитория. Уверен, гильзам уготована широкая ликвидность. Ай, да Катык, оригинально сочинил себе продажный рай.

Дамы закуривают супертонкий «Vogue» и продолжают горячо ругать рекламу. А по радио из открытой двери их лимузина на всю улицу транслируются новые фрагменты необычного концерта.

- Миру - мир!

- Столовое вино высшей ректификаціи общества «Бекманъ и Ко»!

- Лучшие ликёры и наливки заводов «Главликёрводки»!

- Водка «Смирновъ». Твёрдый знак качества!

- Открывай новое – читай книги!

- Майонез всех уравнивает! Лучшая приправа к овощным и рыбным блюдам!

- Кремъ «Чистотѣл» отъ угрей.

- Покупайте чёрную-паюсную, зернистую и пастеризованную зернистую икру в магазинах «Главрыбсбыта»!

- Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны и крабы!

- Редукціонныя пилюли противъ ожирѣнія!

- Небывалымъ успѣхомъ пользуется въ Россіи и за границей идеальный пистолетъ «Браунингъ»!

- Патентованный англійскій анти-корсетъ «Платинумъ» удовлетворяетъ всѣ требованія дамъ!

- Пилюли «Ара». Одна пилюля на ночь – и с утра с Богомъ за работу!

- Вам пора и нам пора с «Вентиляторным заводомъ» заключать договора!

- Истинное удовольствие – знаменитыя машины для стирки бѣлья «Шмидтъ».

- Кривые и уродливые носы могут быть исправляемы и улучшаемы тайно у себя дома! Носовая машинка от сэра Поллака может испра-

вить фасон носа! Построена на научных основах! Дѣйствуетъ аккуратно и вполне соотвѣтствуетъ своей цели! Она маленькая, легко одѣваемая, и можетъ быть одѣта ночью не затрагивая сонъ! Примѣнима ко всемъ носамъ!

Последнее объявление дамочек привлекло, заинтересовало. Усаживаются они в машину, прибавляютъ звука побольше. И то ли от этого, то ли от чего-то совсем недоступного объяснению, небывалая невидальщина произошла.

Хрясь, и бабахнуло что-то высоко-высоко! Можетъ быть, эхо от грома далёкого долетело, день-то былъ ясный, спокойный, а можетъ, петарда бабахнула в соседнем дворе. Потом этак лёгонько щёлкаетъ, как бы вздыхаетъ поднебесье, и взорам изумлённой публики является уже совсем мистический выкрутас.

По плотному синему небу, от края до края, ползутъ хорошо различимые белые буквы! Несусветность какая! При этомъ не сбежалъ никто из соотечественников, по домамъ не попрятался. В согласном стаде даже волкъ не страшен! Стоим, задравши головы всемъ миромъ, даёмся диву, рты разинув, чуду удивляемся.

А буквы те в слова огромные сложились:

В магазинах гражданина Маштакова на
Старой и Ново-базарной площадяхъ имѣется в
громадномъ выборѣ:

Готовое платье мужское, дамское и дѣтское, дамскія и мужскія шляпы, картузы суконные и чесусовыя, обувь мужская, дамская и дѣтская, резиновыя галоши, лёгкіе сукна, трико и сатинъ, шёлковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, клеѣнка, граммофоны, пластинки, вѣнская мебель, гитары, мандолины и балалайки, самовары, кофейники разныхъ фасоновъ, золотыя и серебряныя вещи, ученическія сумки и книгоноски, чай, сахаръ, табакъ и гильзы, кружева и модныя отдѣлки!

Повисело видение в небе минуто-другую и пропало, загнуло в облака.

Кое-то из бесстыжих завистников поклепы теперь возводит, говорит, будто я это выдумал. Всѣ понятно, сами не видели, а значит, и не было.

Им, на думы и размышления скудным, совсем невдомек, для чего это чудо нам явлено было. Мне вот кажется, затем, чтобы мы призадумались, как со временами своими обходимся. Как идѣм по ним, для чего идѣм и куда идѣм.

Пройдёт поколение, народится другое, и снова по нашим, по прежним, по древним местам пойдёт, пока не минует предопределённую ему стезю предназначения. Каждый род совершает свой путь по одним да по тем же местам. Это только снаружи мы новые, изнутри-то всё те же, старинные.

Ничего не меняется!

Всё пройдёт, не изменится и повторится!

Сказка двенадцатая

НЕ БЫЛО НИ РУБЛЯ, И ВДРУГ – ПРИБЫЛЯ

Как подумаешь в досуге: куда велик и разен белый свет!

Живут в нём богатые люди и бедные, зажиточные и скудные. И всем им просторно в миру, их всех призирает да рассуждает провидение. Живут роскошные – и празднуют, живут горемычные – и трудятся. Всякому своя доля!

В царских палатах, в работных бараках, в княжких чертогах, в крестьянских избах, в боярских теремах, в бродяжких землянках, в купеческих вотчинах – каждому поровну радость и горесть положены, соответственно положению.

Времена переходчивы, а уклад мировой не меняется. Всяк человек зачем-то важным на свете обретается, к чему-то существенному предназначен. Но отчего-то всегда и всего ему мало. Кому щи пусты, а кому и жемчуг мелок.

«Мне бы денег побольше, цены бы мне не было!» – истина очень сомнительная. Право же, крайне скверное откровение, в непроходимые чащобы злокозненных заблуждений ведущее.

Быстрая прибыль коварна, поганка такая. Резкий успех для тщедушных людишек опасен. Страшнее отравы он для тонкого тела даже самых накаченных спортом, разъевшихся здоровьем туловищ. Через него, долгожданного, вожделенного,

может случиться заворот души. А это вам не заворот кишок, тут клистир не поможет.

Если, к примеру, ты просто хорош, но основной некрепок, нутром ненадёжен, внешняя радость зажиточной жизни не в радость придётся. Успехи стяжай на здоровьице, но такие, с какими в силах сам совладать. Нечего выше себя моститься. А то, знаешь ли, друг дорогой, или брякнешься больно с высот мнимых ценностей, так же резко, как и вскарабкался, или, хуже того, оскотишься скоро, зубами за призрачное благо цепляясь.

Если не жил ты дорого-богато, осмрительнее начинай, осторожнее к зажиточности подступай, не сразу в пышную роскошь запихивайся. А то не до праздника станет уже, затерзает судьбушка или в нежить оборотит. Запросто станешь плохим с непривычки, а по-хорошему так и не заживешь.

Есть у меня один закадычный дружок, игроцом в балаганах работает. И не то что бы бедный совсем, на штаны гонораров хватает ему. Но набить съестным то, на чём у нормальных людей штаны держатся, не всегда получается. Уж забыл, как обедал-то досыта.

Так и ходит он гордый по жизни, но с брюхом пустым. Подвывает штанишки веревочкой и бежит на подмостки принцев да гамлетов всяких играть. Непростой человек, миром рад, нравом

упрям, повадками дерзок, обласкан подругой, счастлив своим трудом, творчеством сыт, глазом востёр. Хорошо примечает характеры разных людей. Одно слово – артист. И зовут соответственно – Евстигней Скоморохов.

Он-то, однажды, мне мыло рекламное с глаза и смыл подчистую.

– Все они у тебя упыри, ни одной ясной личности, – пасмурно говорит Евстигней, указывая на один из билбордов во время прогулки по городу, – погляди повнимательней.

– Как же так-то? Они все хорошие. Приличные люди же! – отвечаю обиженно.

– Приличные, да. Но не люди, а оборотни. Ты в их суть загляни, не к словам, а к делам их прислушайся-приглядиись. Поведение изучи, посмотри за поступками, прихватки приметь, проштудируй не сладкие речи, а действия.

– Да дела у них вона, какие пригожие!

– Вот попомнишь меня, простофиля, дела их проявятся пакостью!

Ох, и насупился я на старинного друга, бранью напрасной моих новых распрекрасных товарищей ни за что, ни про что обложившего.

Артист. Понимал бы чего! Ни бум-бум же в процессах реального бизнеса, а туда же, берётся судить и рядить.

Однозначно приятны приятели!

Симпатичный квартет небольшого семейного предприятия: папа, мама, сынок и невестка. Ай, как по душе мне подобные коллективы! Внятны, вменяемы, свежи и компетентны, в меру амбициозны и не в меру честны. Сплошное согласие в делах у них. Нет и запаха пакости. Динамичная молодость пополам с мудрым опытом.

До чего хороши компаньоны мои разлюбезные!

На плакатах, обложках, в буклетах и сайтах, в телевизорах и календарях развернули мы с ними обширную промо-акцию. Размножили, стало быть, фото и видео-дифирамбы об их уникальной компании.

Ничего уникального та реклама, как водится, не придумала, а красивенькой вышла и по сердцу пришлась простым жителям города. Непонятные уникальности с оригинальностями не украсят рекламу особенно, только напортят. Визуальному ряду успешных торговых посланий банальные образы ближе, тривиальности с элементарностями задушевнее выглядят.

Этот колоритный промо-сериал из позитивных лиц и динамичных ракурсов до сей поры рекламные пространства и эфиры радует. А повествует лишь о том, как любо вчетвером трудиться на торговой ниве, как счастлив и хорош семейный бизнес, как радужно живет малому предприни-

мательству. Вранья в картинках нет нисколько, рекламисты что увидели, про то и спели.

Всем понравилось.

Прибыля семейной фирмы с лихвою перекрыли самые оптимистичные прогнозы. Моментом истинный успех припожаловал к прекрасному квартету! Как говорится, поделом всем четверым, ведь не случаем же снискали, заслужили же, заработали.

Вот, взгляните-ка в их плакатные лики. Позитивная ясность одна!

Убелённый сединами благородный отец-основатель, мудрый директор, известный учёный когдатощный, докторской степенью отмеченный, нищеты похлебавший уже, не без этого, ныне стратегию правит толково и основательно. Благообразная мамаша, уютная добрая тётушка средних лет, в бухгалтерии ладит счёт, советом и делом любому партнеру помощница. Сынок престижно образованный, обладатель отличных дипломов, мечтатель возвышенный, переполненный смутными творческими грёзами, тактику методично ведёт вкупе с юной женой, хохотушкой улыбочивой, совсем ещё школьницей беззаботной. Плюс, десяток нехитрых трудяг рядом с ними работает, добросердечные, искренние, надежные, что твои ломовые лошади.

Безупречное предприятие! Красота безусловная!

Только все эти прелести – визуальный ряд всего-навсего, никакого касательства к действительности ничуть не имеющий, как выясняется. Дурилка рекламная, извините за выражение.

Никакие они друг для друга не родственники, никакая у них не семья. Так, приятельствующие коллеги, когда-то упорно и тяжело пахавшие в рядовых должностях на компанию «КУК» Софьи Лютой, в оны дни порешившие разом уволиться от самодурного ига и соорудить своё идеальное предприятие.

И на самом же деле построили. Бывает же!

Всяк работник на месте своём у них пребывал, как замышлено, и работа за каждым видна была. Соответственно, прибыль делили по справедливости. Правда-правда, такое порою случается, особенно при началах строительства, когда все, как один, не на личную сытость сегодня, на светлое завтра всеобщего благополучия самоотверженно вкалывают.

Долго ли, коротко ли, успешно ли, потешно ли, а годок миновал в кладовую заветных сказаний и сказок.

Молодые любители трэшев и экшнов, обильной киношной кровищи, причудливых ужасов, хитроумных интриг колдовских, мультяшных страшилок, мистических саг и оккультной романтики, предвкушают, поди, как начнутся сейчас выкрутасы эзотерические.

Вот и нет.

Хотя можно бы было кошмарных словес напести о зубах в два ряда, о земельке могильной, про лукавые подлости в полнолуние что-то прилгнуть.

Мол, снимает отец сапоги, а вместо пяток копыта торчат! Прямо мелкая дрожь пробирает! Мамаша набила мясом морозилку и уехала неожиданно, взялись размораживать, а это – младенцы! Жуть какая до пота холодного! Но зачем же так врать, когда этого не было?

Наша врака правдивая.

У купеческих упырей всё иначе, им осиновый кол, как дробина для мамонта. И на погляд они миловидны, румяны, пригожи.

Ну, а то, что пожрали уже всех работников периода становления, что случился падёж трудового скота от предельного истощения вследствие недоплат и задержек по жалованию, из-за штрафов и вычетов, – дело обычное. Экая невидаль! Всё как у людей. Новых набрали вместо умерших, покрепче да подешевле, фокус не хитрый, вон их какие стада возле биржи пасутся с утра до ночи.

Время пришло обновить визуальный ряд для рекламного комплекса.

Понагнали в большой павильон всяких съёмочных групп, тонны съёмочной техники завезли, креативщики навывдумывали сценариев с

инновациями, тоже съёмочными. Весь квартет время выбрал, приехал.

А вот съёмка-то не заладилась. Визажисты, что маляры, лица мазали-мазали, макияжили-макияжили, головы завивали, причёски причёсывали, глазки подкрашивали. Не на пользу шёл грим. Что ни дубль – то брак.

Вместо лиц позитивных какой-то кладбищенский негатив вырисовывался. Морды синюшные, землистые, одутловатые, оскалы звериные, свирепые взгляды, когтистые руки. Истлевшие сущности вместо людей, прости господи. Вот так-то вот.

Года хватило квартету обезобразиться. Самые что ни на есть прогрессивные цифровые технологии такую гангрену не выправят. Кто же тут виноват?

Конечно, киношники! Мало что им денег обещанных ни копейки не дадено было, так еще покусали их всех, бедолаг кинематографических. Прямо там, в павильоне, стали рвать в лоскуты операторов с режиссерами, сценаристов и визажистов, осветителей и фотографов, декораторов с костюмерами. Вот где кошмар!

Злобная четверка упырей, говорят, ту свирепую расправу и затеяла. Кусались, будто бы, как собачатины, да еще дружка с дружкой собачились, лаялись, грызлись, отнимали себе куски падали пожирней.

Хорошо хоть меня рядом не было. Отвела судьба. Я тогда на других упырей подхалтуривал, в совершенно другом регионе и городе.

После этого случая новых съемок квартета и не было. А зачем? Самой первой, единственной, съемки хватает на всё про всё. На умильные фотки для свежих плакатов, на прекрасные иллюстрации к интервью, на трогательные портреты для сайтов и буклетов с проспектами.

Только начал я замечать ненароком, проезжая по городу ночью, что в плакатах знакомых как будто бы что-то не так. Там не те уже образы. Вроде, те же, они же, дневные, хорошие, а вроде и нет. Присмотрелся. И точно. Глаза! Очи зверя бликуют у всех четырёх в свете фар, прям зеницы лукавого в полной красе. Бр-бр-бр!

Не укрыть, получается, даже сотней рекламных заборов из визуальных рядов эти жуткие вежды бессовестных извергов. Не прикрыть прибылями глаза кровопийцы, проявятся.

Вона как!

Тут всем сказкам конец, дальше только кошмарная явь и действительный ужас.

Сказка тринадцатая ПУСТО МЕСТО

Просидел Супоня Первый на высоком троне длинные годы. Правил мирно, в общем-то, без глупых войн и без гражданского раздора.

Честь ему за это!

Знатный он стал государь, отменный артист для средств массовой информации – и красивый, и умный, и славный. Об нём песни пели, об нём новости сочиняли, об нём портреты и кино фотографировали, об нём сказки сказывали, он красным девушкам во снах снился.

Коль набился на главную роль в государстве, будь любезен державе себя показать в самом выгодном свете, много искреннего радения о верноподданных изобразить, счастье скорое им послужить, колоссальную уймищу мудрых слов наизусть рассказать.

Рассказал, как положено. Показал так, как надобно. Говорю же, хороший артист получился.

Много сам повидал добра низведённого и худа возвышенного, немало рассудка великого и глупости превеликой, да всякой разной другой всячины чиновной и дури купеческой. Царям-то оно завсегда виднее. Нахлебался государственной явью и державными яствами вдосталь, притомился от впечатлений и разносолов, умаялся властью.

Пришла пора слезать с престола.

Слышьте-ка, повелел он созвать напоследок со всего царства всех, сколь ни есть, важных бар и сановников, министров-экономистов, губернаторов да сенаторов, банкиров да промышленников, немного академиков с философами, множество купцов с олигархами. Стало быть, всех-всех существенных отечеству мужей.

Те мигом съехались.

И вот этим утренним делом-то задал он им задачу:

- Ну те-ка, кто из вас отганёт? Развешивайте уши. Загану я вам сейчас последнюю свою загадку, кто наперёд догадается, тому и царствовать дальше. А который ошибётся – тому и голову с плеч, векового обычая нарушать мы не станем. Готовые?

- Угу, – через край обрадованные баре лыбятся.

Изначально-то каждый из них был о себе высочайшего мнения. Каждый уверенный был, что именно он отганёт и на троне усядется малым-то случаем, невеликим усилием, ненароком удачливым.

- Ну, так слушайте! – изъясняет Супоня с улыбочкой, - НА ЧТО НУЖНА НАМ НАША ЖИЗНЬ, И ЧЕГО В НАШЕЙ РОДИНЕ ВСЕГО ЛЮТЕЕ И ЗЛОЕДЛИВЕЙ? Проще говоря, что такое у нас – хорошо, и что такое у нас – плохо?

Вот они думали-думали, плечи чесали, думали-думали, трясли шевелюрами, ганали-ганали, космами ворошили, смышляли-смышляли, скрипели умом. И то думали, и сё думали, всяко прикидывали, кабы скорей отгануть. Нет, так-то сразу никто не додумался, отвечать не спешил.

Супоня на троне вразвалку сидел, в носу ковырял, похохатывал, кургузые ножки свернув калачом. Во всей тронной зале народу тогда набилось, что в бочке сельдей астраханских, а тихо там было, как в погребке. Редкие стайки придворных мух беззаботно зудели под сводами, да кремлёвские вороны за окнами каркали.

Налюбовался он замешательством сановников и говорит:

- Ступайте-ка вы со двора, многоуважаемые бестолочи! Сроку даю вам до вечера. С родными и близкими посоветуйтесь там, референтов-советников озадачьте, книжонки какие заумные полистайте. Приходите к закату, любомудров своих приводите, пусть хоть эти вас вразумят, раз уж сами по себе толку не смыслите. До солнечного захода надо нам порешить судьбу родины.

Побежали они в этот день судьбоносный чудную премудрость додумывать, озадачивать ею высоколобых наёмных мудрецов, за нечитанные доселе толстые книжки хвататься, а самые дошлые в интернете направо-налево выпрашивать у кого

ни попадя, как, мол, ответить ответ, да на плаху при том не прилечь.

Интенсивничали и напрягались до вечерних зарниц словно одержимые, заковыристую головоломку царёву разгадывая.

Возвращаются в тронную залу, а там уже и широкая коронация приготовлена.

Караулы навтыжку тужатся, духовые оркестры построены, ковры пораскатаны, фейерверки заряжены, накрыты столы, телекамеры в каждом углу.

Шаромыжные журналисты на люстрах висят, репортажи ведут на весь честной мир. Фотографов на подоконниках – как курей на насесте, все обсижены. Бронебойные жерла больших объективов оттуда торчат, линзы блистают и вспышки посверкивают.

Рядом с тронном пустым палачи разминаются, справа дубовая колода стоит, и топор в неё воткнут отточенный.

Торжества ожидаются грандиозные, прямо праздник какой-то! Во всех закоулочках родины о нём уж прослышали, развлечение отрадное предвкушает народишко, ждёт веселья и радостей. Не всякий же день государь от престола отходит по доброй-то воле.

Интересно? А то!

Царь Супоня корону, державу и скипетр на золочёную табуретку сложил уже, слева от трона

пристроил, а сам у подножия сел. Благостный, мирный и тихий такой сидит на приступке, под нос себе что-то бормочет улыбочиво, озирает рассеянным взором просторную залу.

Смотрите-ка, переоделся в партикулярное платье обратно. В смысле, в старые свои джинсы, футболку и кроссовки потрёпанные. Ещё курточку с капюшоном поверх нарядил. Так-то взглянешь, навскидку и мельком, царём не признаешь ни в жисть, менеджер средней руки, да и только-то.

В красных палатах сановного люда набилось – не продохнуть, не протиснуться. Чисто кильки в томате, такие же сдавленные и безголовые. С ноги на ногу переминаются, шепотком переругиваются, занимают места, локотками пихаются, кротко бубнят, зыркают глазками по сторонам, в списки записываются, судачат на отвлечённые темы и топчутся в ожидании.

Почти бывший властитель империи с кем-то жарко беседует. Вроде как советуется, типа, о чем-то справляется. А вокруг него – никого.

Самый ближний телохранитель, соответственно предписанию, в семи метрах от тела высокочтимого глазами периметр сканирует и толпу соискателей милости сдерживает. Царский мобильник отключен, со скипетром рядом лежит.

Предположим, что да, притомился Супоня, умаялся, но не съехал с ума-то совсем? С кем же он говорит? Ну, не сам же с собой?

Нет, конечно же. Вот, прислушайтесь. Это ж барину какому, думному человеку или боярину властному невдомёк, тем, которые никогда не умели участливо видеть лица и внимать голоса людей. Нам-то с вами видать и слышать превосходно.

- Дух, ты здесь? Не иссяк ли? Не улетучился? - полушёпотом Супоня осведомляется.

- Здесь, Супонюшка! Где же мне быть-то ещё? Я теперь завсегда с тобой, как товарищ надёжный и преданный, при таком-то развитии обстоятельств смертный грех мне теперь улетучиваться, - отвечает царю Дух Купеческий, - не волнуйся ты так-то, сердешный друг, ведь всё верно мы сделали.

- Ой, боюсь, наломаем мы дров по отечеству с этой загадкой. А вдруг догадается кто и ответит всё правильно? Надо будет его на престол возводить, а он - дрянь-барахло человек-то окажется. Станет родину мучить опять и нехитрый народец терзать заради личного удовольствия, самодурствами изводить поколения.

- Быть не может такого.

- На нашем просторе любая нелепица может стрястись.

- Не может, не может. Во-первых, отгадку сыскать однозначно сумеет лишь личность высокая, цельная. Самодуру таких откровений как знать? Окрест посмотри. Они у тебя тут все низкие. Даже которые длинные туловищем, всё одно приземистые душой. Темны они мыслями, потому как по горизонтали живут. Не найти им ответа заветного. Во-вторых, даже если найдется какой молодчина по случаю редкому, так ить, честь ему и хвала. Мы же только порадуемся. Пусть державу берёт, пускай царствует, если ясный такой выискался. Только, честно-то говоря, перспектива такая - какая-то шибко уж сказочная. Не бывает чудес. Не ответит никто.

- Что ж, теперь их за это казнить?

- Нет, зачем же казнить? Миловать!

- А к чему палачи?

- Это так, для придания статусности мероприятию. У наших-то как? Не повесишь топор над башкой, не прочувствуют степень ответственности, не поймут судьбоносность момента, не смекнут всю серьёзность намерений. Без плахи на Руси пока никак не обойтица. Вот помилуешь их, разом слава пойдёт о гуманности, о лояльности к оппозиции.

- Ну, допустим. А пакостных каторжан мы из крепости зачем по «условно-досрочному» выпустили, да ещё их сюда из тобольских острогов доставили?

– Дык, пусть будут для представительности. Нары им на душе кое-что чуть поправили, но до ясного разумения, как пешком до небесных чертогов, страдать и раздумывать бедолагам все остальные дни. Как ответить про то, чего близко не ведаешь? Твоему вон обидчику, Подколодному, или Софьюшке Лютой, к примеру, очень хочется, да не сможет. Абсолютно не чают пока они истин простых и возвышенных, нечем им чувствовать. Состоятельны властолюбием, но скудны состраданием. Не ответят, не трусь.

– Да не трушу я... просто тревожусь...

– Беспокойство вполне объяснимое, потерпи чуток. Как никто не ответит, тебя вновь посадят на царство. А как только помилуешь неудачников, немедленно старый свой двор разгоняй и пристойных людей собирай в управление, назначай в основные правительственные должности, как и было условлено. Вот и станет тогда хорошо и тебе, и народу, и родине.

Вот же как!

Достучался, таки, до супонькиного сознания Дух Купеческий, протиснулся в царственную головушку. Вишь, упрямый какой. Не мытьём, так катаньем, а своего добился. Сдружились они, по всей видимости, и решили внести исправления в заскоружлый устой вековой, всенародный характер модернизировать, обнаглевшие подлости приструнить, законелые нравы на родине выправить.

Чудеса исключительные!

Как отважились, сами не ведали, а сподобились. Выковыривать гнусности мироустройства – до чего дело трудное, сложное и тревожное, но ведь крайне потребное. Давно уж пора.

Долго ли, коротко ли, спустя час ли короткий, минуту ли долгую, начались эпохальные испытания новоиспечённых стяжателей трона.

– Напишу я на гербовый лист два словечка заветных, – объявляет Супоня. – Загадку все помните? У первого – плюсик поставлю, у второго – минусик. Вот и будет отгадка! В конверте укрою до времени, сургучом запечатаю. Выходите спокойно к престолу по очереди, как положено представляйтесь, какой, мол, фамилии и какого сословия, кто по должности будете, и тотчас мне ответ отвечайте. Писарь за вами запишет доподлинно. Языками особенно не размахивайте, пустословий не разводите, пары слов от вас предостаточно. Поняли? Когда выскажетесь, тут и посмотрим, кто из вас мудрее, смекалистее, прозорливее. Палача не страшитесь, за ошибку могу и казнить, простите за выражение, а могу и помиловать, что скорее всего. Я же добрый-гуманный, не правда ли? Всё зависит от того, что вы скажете. А если в словах не уверены – помолчите, никто не осудит. И последнее. Если меткий ответ не услышу, то сызнова сяду на царство обратно, большую реформу

начну и замшелых бояр разгоню, так и знайте! Понятно, о чём говорю? Ну, приступим.

Подколодный отважно шагает вперед мимо очереди, поперёк всяких списков. Тоже артист. Полосатая роба на нём, густая щетина трёхдневная и номер острожный. Колоритный какой персонаж, хоть теперь в телешоу! А ему терять нечего, вот и выпятил на всеобщее обозрение свой недавний вид, ссыльнокаторжный облик.

Говорит не смущаясь, уверенно, твёрдо, задиристо:

- Здравствуй, Супоня! Давно не видались! Разрешил я твою казуистику. Хороша в нас – СВОБОДА, плохое в нас – РАБСТВО. Вот и весь тебе сказ. О подробностях позже поговорим, если выживу.

- Дык, живи себе на здоровьице, милую! – усмехается царь, – Хорошо сказал, да не те слова. Будет свобода тебе, коль опять воровать и разбойничать не возьмёшься. А за старое примешься – в неволю опять угодишь, можешь не сомневаться. Так и будем тебя принуждать к настоящей свободе под гнётом неволи, покуда не образумишься. Отходи с глаз долой, довольно трепаться, помилован. Следующий!

Принялись претенденты премудрости изрекать.

Афанасий Перегудов, как заяц робея, самым лучшим назвал неизбежный и вечный

ПРОГРЕСС, самым скверным – всегдашний ЗАСТОЙ. Софья Лютая удивила высокое собрание задушевым рассказом о ЛЮБВИ и РАЗЛУКЕ. Митрофан Недотыков спел славу НАУКЕ и отповедь ВЛАСТИ. Василина Обозова довольно коряво и косноязычно наплела кучу некрасивых слов о КРАСОТЕ, спасающей мир, и об УРОДСТВЕ, этот мир разрушающем; но смешалась, запуталась в обоснованиях, и попросила вычеркнуть себя из номинации.

Супонюшка, с каждым новым выступлением, всё более воодушевлялся. Улыбка с лица государева уже не сходила. Верные мысли звучали, не без того, но о важном они, не о главном.

Под конец порешил всех не только помиловать, но на радостях и наградить. Кто, мол, что проповедовал, из той самой сферы пускай и награду себе берёт, какую захочет. Обозова сразу обратно в списки запросилась, но её не пустили, пройдоху.

Вроде бы все уже соискатели выступили, верных ответов не сказано, пора и заканчивать. Последнюю минуту государь даёт собравшимся, заветным конвертом помахивая. Тишина наступает не только в престольных палатах, во всех телевизорах, ну прямо «минута молчания».

Ваня Кунстмаллер прослышал эту оказию из новостей, распотешился.

– Вот же ответы вам, лежат на поверхности жизни, – смеётся парнишка над царскими глупыми викторинами, – прекрасно в нас творчество, плохо – холуйство. Другими словами, созидание – хорошо, а подлость – злоедлива. Не бывает на свете созидательной подлости или подлого созидания. Такие вот плюсы и минусы. Чего тут мудрить?

А кторовские черти подслушали, да хозяину доложили.

Они рядом с Ванечкой частенько отирались, целыми днями крутились, секреты подсматривали, крали профессиональные тайны, премудрости визнавали тайком. В ту же секунду Тришке в уши отрапортовали.

Кторов выступил вперёд и ответил всё правильно:

– Нашёл я решение твоей колоссальной задачи, государь! Ночь напролёт усталых глаз не смыкал, ответа доискиваясь. Творческое созидание, по моему разумению, – это плюс, ради него и живём, а холуйская подлость – это минус, нет в нашей жизни злее напасти.

Открыли конверт, а в нём так и написано:

+
СОЗИДАНИЕ

–
ПОДЛОСТЬ

У Супони глаза из орбит повылазили от изумления.

Быть же не может, а случилось!

Тотчас музыка грянула, гости с мест повскакивали, солдаты на караул сделали, колокола зазвонили, пушки грохнули, патриархи Трифону Мироновичу на маковку большую императорскую корону водрузили. За державой и скипетром сам подошёл, не побрезговал.

Как гром среди ясного неба водворился на родине новый царь – Трифон Первый. О Супоне никто уж и не вспоминал, все у трона сновали, поздравляли, приносили присяги, холуйство рьяно проявляли, наперебой славословили и заискивали.

Под шумок, в самом дальнем углу тронной залы, вдалеке от досужих глаз схоронился растерянный отставной император.

– Дух, ты здесь? Не пропал пока? – спрашивает Супоня, насилиу от шока оправившись.

– Здесь, Супонюшка!

– Видишь, что дееется?

– Вижу. Отвратное зрелище!

– Дух, это очень опасно отечеству. Трифон – известный подлец.

– Можешь мне не рассказывать, – сокрушается Дух Купеческий, – кто бы другой, дык пусть был бы, а этого негодяя до власти даже близко нельзя допускать.

- И как же теперь нам его сковырнуть? Глянь, вцепился как клещ в подлокотники трона! Как ни старайся - не отлепишь его уже, не выправишь ситуацию. Ой, беда. Так и скинул бы упыря со престола да наземь. Но, боюсь, верноподданные заступятся, наваляют по шее, на «закон о гарантиях экс-отцу нации» не посмотрят. Пропала страна!

- Есть единственный вариант исправления провидения, на крайний случай придуманный. Не поздно ещё оглобли поворотить. Когда до заката успеем - получится исторический вывих поправить.

- Так чего же ты медлишь? Какой вариант?

- Робею и предложить. Не понравится он тебе.

- Предлагай, не трус!

- Да я и не трушу, тревожусь просто. За тебя переживаю. Можно время свершившееся разом вернуть в первый час нашей встречи. Вот и встанет всё в мире обратно на круги своя. Только ты станешь бедным, голодным и безработным, как раньше. Вроде бы, ничего и не было.

- Это что, назад к омуту?

- Да, к нему.

- А с тобою что станет?

- Я обратно в ларце окажусь. Буду ждать наступления лучших времён. А тебе даже словом помочь не сумею. Но место царёво опять станет

пусто, таким, каким было в наличии до тебя и до Трифона. Авань, кто пристойный на нём утвердится.

– Возвращай, я согласный!

– Нищеты не боишься?

– Роскошь, порою, безобразнее любой нищеты.

– Ну, смотри. Может, чуточку подумаешь?

– Да чего уже тут рассуждать? Спасу родину от супостата, а дальше уж как-нибудь собственной силою выгребу, без чудес и без сказочных приключений. Руки-ноги на месте, голова на плечах, сдюжу каким-либо образом. Возвращай, не тяни!

Так и проснулся Супоня у омота.

От заката на небе и следа нет, потихоньку зарница полощется, юный алый рассвет разгорается. Птицы в изумрудных кронах неуёмно орут, славят жизнь, рыбы в сапфировой водице резво плещутся, жизни радуются, козявки с червяками в глубинах матушки-земли тем же самым занимаются. В зеркале некогда чёрного озера небо теперь синевой отражается. Город суматошный пробуждается, за лесом его не видать, но, родимый, гудит как всегда ровным гулом, а значит, живёт обычной своей жизнью.

Ночь миновала, а с нею все скорби, все хвори и тяготы. Голодные спазмы и слёзы о хлебе ушли, будто небыли. Нешуточные размышления

государственной важности перестали заботить навовсе.

«Привидится же такая диковина с голодухи!» – смеётся Супоня, – «Сикосья-накосья царствовал, господствовал тщетно и попусту, император подложный, дурилка балаганная. Ха-ха! Под конец чуть страну набекрень не свалил. До чего же пустое занятие – власть! Усердничаешь, трудишься, тужишься, корпишь, а выходит всё снова да ладом, по старинному уложению. Ничего от тебя не зависит там, получается. Хорошо, что привиделось, а то так бы расстроился. Хорошо, что престол пустой. Хорошо, что в него человек выдающийся сядет, исключительно ума и недюжинной мудрости. Как иначе-то? У меня – совершенно иной путь. Ай, как славно я выпался!»

Отряхнулся он, потянулся размашисто, с хрустом, умылся студёной водой и пошёл к людям в город обратно, дальше жить свою жизнь.

Вот и мне пора продирать глаза, чёртова дюжина сказок заветных рассказана, за реальное дело пора приниматься.

© Сергей Платон (С.В.Платонов), автор.

Сергей Владимирович Платонов (литературный псевдоним Сергей Платон) – профессиональный актер, режиссер, автор. Учился на отделении актеров театра драмы и кино в ЯГТИ и на режиссерском отделении ВГУ им. Щукина. Преподавал практическую режиссуру в ЕГТИ.

Живет и работает в Екатеринбурге. Постановщик спектаклей и шоупрограмм. Разработчик многих рекламных проектов. Автор книг "Рекламная реальность", "Рекламмистика", «Инглубагла», пьесы "Существо", повести "Театральные каверзы", пьесы "Шаркунок", пьесы "Ремонт часов" (в соавторстве с Марией Улыбышевой), а также сценариев, статей, рассказов, миниатюр.

Финалист драматургического конкурса «Действующие лица» (пьеса «Существо»), Литературного конкурса «Белый шкаф» (повесть «Театральные каверзы»), «Каверинского литературного конкурса» (повесть «Стеклобой»).

www.s-platon.ru